

Иван ОБРАЗЦОВ

БЕЗОТЦОВЩИНА

Трагикомедия

Действующие лица:

Прукин Прокоп Ильич, выпускник гуманитарного университета, молодой мужчина, здоров, хорош собой, среднего роста, гладко выбрит, считает себя оппозиционером, по характеру «истероид», в руках все время держит сотовый телефон, около 30-35 лет

Мать Прокопа, сильная, крупная женщина 60-65 лет, педагог, мать-одиночка, недавно умерла от остановки сердца, но является Прокопу в виде довлеющего образа

Колян, одноклассник Прокопа, музыкант, играет рок-н-ролл, длинные волосы, собранные сзади засаленной серой резинкой для волос, раздолбай, холостяк, курит и пьет регулярно и по убеждениям, около 30-35 лет

Влад Сергеевич, знакомый Прокопа, оперуполномоченный уголовного розыска, умный и инициативный, невысокий и сухошавый, с небольшими ранними залысинами ото лба, друзья зовут его «Киргиз», 40-45 лет

Андрей Парамонович, директор сельской школы, старый администратор, плотный и крепкий телом мужик, рассудительный, простой социалист, 65 лет

Священник Анемподист, большеглаз, рыжеволос и бородач, переведен в сельский приход из города, учён, страшно не любит яркого света, шума и свежего воздуха в своем приемном кабинетике, взвешен и терпелив, 55 лет

Лепихин Михаил Сафонович, по происхождению из староверов, коренастый, с квадратной челюстью, лысый до блеска, бывший начальник дорожного ведомства, теперь – сельский завхоз, крепкий хозяйственник, 65 лет

Батюшка Андрей, сельский священник, благообразный старичок, спокойный, миролюбивый, с добрым чувством юмора, около 70-75 лет

Профессор, друг семьи Прукиных, седовласый классический интеллигент, гуманитарий «старой закалки», недоволен современностью, 60-65 лет

Деятель в экране, телевизионный выступающий, патлатый, коротконогий, в тонких очках, рафинированный интеллект, неискренний, но красноречивый, неопределенного возраста

Фоновые персонажи:

Матушка Глафира, попадьё – жена священника Анемподиста, круглая, крепкая, но дурная баба, 50-55 лет

Бармен в придорожном кафе, молодой человек, худошавый, наглый, симпатичный, 23-25 лет

Посетительница придорожного кафе, женщина средних лет, небольшого роста, спортивная, темно-коричневая от чрезмерного посещения солярия, с короткой стрижкой, нахальная, немного гопница, 45-50 лет

Люди на похоронах и из сна Прокопа, разные, общие, массовка

Люди на перроне, двойники персонажей пьесы

Действие происходит в российской провинции, примерно в 2022 году от Р.Х.

Ключевые незримые образы пьесы: Отец, Отечество.

Действие I

Сцена 1

Комнаты Прукиных

Прокоп Прукин перемещается в пространстве комнатных перегородок, говорит словно сам с собой, периодически заламывая руки и замирая в исступлённых позах, иногда ложится на диван или усаживается в нарочитой задумчивости на стул и сидит, уставившись в смартфон, продолжая что-то говорить.

В центре зала установлен стандартный советский гроб, обитый красной тканью. Мать Прокопа ходит призраком, пытается увещевать сына, но словно говорит в пустоту. Иногда слышен какой-то фоновый шум, то ли соседи разговаривают, то ли где-то работает телевизор, то ли на улице происходит скандал.

*Прокоп перемещается и говорит, его речь —
словно вспышки осознанности между сомнамбулическими паузами.
Прокоп настойчиво не замечает матери и красного гроба.*

М а т ь. Главное, чтобы жизнь прилично выстроилась, диплом института обязательно необходим, иначе будешь вон улицы мести, как вся эта алкашня.

П р у к и н (листая новостную ленту в смартфоне). Главное, чтобы здоровье не подводило, а там уж разберёмся, как и что о себе заявлять по ходу дела.

М а т ь (обводит удовлетворённым жестом квартиру). Вот квартира хорошая, зарплата, а как иначе-то, трудиться необходимо, и всё устроится по-приличному, чтобы перед людьми стыдно не было.

П р у к и н (укладывается на диван). Гадить ходят все, а вот убирать за собой, а? Ведь не внушают же мамашки своим детишкам — «стремись стать ассенизатором», а между прочим, зря. Кто же тогда будет убирать наше всё, если все поголовно станут руководителями и интеллигентными учителями?.. (Пауза. За окном шумно проезжают автомобили и трамваи. Прукин встаёт и досадуливо, громко хлопывает оконную форточку). Людей... (Закатывает глаза, словно от невыносимости такой очевидной мысли). А нет их и никогда здесь не было, всегда оставались какие-то последние работы. Вот и сейчас, опять... (Пауза. Прукин листает что-то на экране смартфона, потом, словно вспомнив, продолжает). Вообще эти все «последние работы» — словно они из поколения в поколение воспроизводятся. Такое впечатление, что где-то есть роддом, в котором младенцы рождаются сразу «работягами», а выписываясь вместе с матерью, строем идут на какие-то там «предприятия». (Нарочито зеваёт, чешет живот). Раньше-то казалось, что мы идём к процветанию, человеческому божественному просветлению через идеи разные, то какого-то православия, то конкретного коммунизма-социализма, то вот сегодня всего этого понемногу. (Потягивается и опять зевает). Прогресс технически летел вперёд — в высоту, внутрь — в глубину, пронзал и астрономический космос, и сердце фундаментальных частиц, проникал, казалось, в само тело жизни... (Пауза. Прукин опять утыкается в смартфон, листает, просматривает короткие ролики, смеётся, двигает губами и мышцами лица, не замечает своих гримас. Вновь поднимает голову и как будто читает комментарий из новостной ленты). Но вот мы тонем в канализационных и мусорных сточных потоках, захлёбываемся сточными реками информационных отходов. Тонем, и некому нам помочь по одному. Но вместе бы вышло. Вроде как. Только какое вместе уместно при погоне? Мы все ведь не только в этой всеобщей тюрьме, но и в вечной погоне к тому, что нам, каждому, по одному, только и цель, и её технически-юридическое материальное выражение — кусок колбасы или минутка славы. Да, так вот тупорыленько-банально, по-простецки. Так вот, без интеллектуальных ужимок. Штамп и стереотип, так вот... (Опять утыкается в смартфон и опять гримасничает. Мать всё это время шевелит руками и губами, словно делает внушение сыну, но всё это немо, фоном. Прокоп опять отрывается от смартфона). Здесь цель одна, и она не человечеству вообще, а конкретно, по одному, каждому, ну, может, ещё по-семейному немного, но не более тех, твоих семейных, которые только и терпят в целевой доле с тобой... А с другими колбасу делить ни-ни... Про минутки славы так и говорить нечего — это и с самыми близкими делить как-то даже неприлично. Так и терпим, что ближних, что дальних. По необходимости терпим. Сплошной конформизм... (Прукин откладывает смартфон и подходит к окну. Мать стоит с ним рядом. Оба смотрят в окно. Прукин открывает форточку). Духота-то какая...

*Пауза. Шум из окна покрывает всё, свет постепенно меркнет,
и мать уходит в тень за гробом.*

Сцена 2

Комнаты Прукиных

Прокоп смотрит на свои руки — они ничего не выражают, кровь где-то глубоко внутри, бледные ладони мертвенно замерли, не шевелился ни один сустав пальца.

П р у к и н. Вот она и умерла... Констатация... Бездушно и засушливо... (Он вновь смотрит на свои руки, поднимает удивлённый взгляд к небу). А как свежо и ново внутри...

Как это по-новому переживается сейчас Прокопом, вот прямо в этот затянувшийся миг недоуменного понимания, ошарашенного и лёгкого своей открытой простотой факта — осознание себя здесь и сейчас, в этом потоке истинно-жизненного мгновения. Он раскидывает руки в стороны, распинаясь на этом ветру жизни.

П р у к и н. Мир переполнился то ли тюрьмой, то ли свободой...

Рот Прокопа ошарашенно онемел. Вместо голоса зазвучало тело: «А-а-а-а-а-а-а!» — Прукин словно вытягивается, расправляет мышцы, в нём немой внутренний крик тела — итог горестного внутреннего монолога и всех спектров переживания, а снаружи тишина под куполом неба. Крик незвучащий, телесный крик, болезненно тягучий изнутри. Откричавшись всем сжатием и разжатием мышц, тело Прокопа осело, расслабилось.

П р у к и н (на выдохе). Весь мир — наша тюрьма!..

Прокоп понял, что вспомнил сейчас это устойчивое выражение, и, вспомнив, словно ощутил его вкус. Его, этого выражения, проговаривание обычно ведь подразумевает, как бы подтекстом, что оно истинно только среди всеобщей осуждающей пенитенциарной тишины. Прокоп как бы вдруг понял.

П р у к и н. Да, да, да... (Он трясёт указательным пальцем перед своим лицом). Да, да, да... точно... Ведь произнося, между делом, в разговоре с приятелями, как бы махнув на дело рукой, «а-а, так ведь понятно, что весь мир — тюрьма, так что ничего не поделаешь...», но по сути-то ты говоришь, что все здесь осуждённые. А то ведь как тогда тюрьмой-то мир назвать? Ну, как минимум, есть те, кто охраняет, и те, кто сидит в тюрьме, верно ведь? Конечно, верно. Это мы так, не вспоминаем вроде бы как про то, а вроде как шутим и не шутим одновременно, про мир-тюрьму говоря...

Прокоп чувствует, что скатывается в какие-то умственные эквилибризмы, замолкает, поворачивается и видит красный гроб посреди комнаты. Он достаёт из кармана смартфон и начинает действовать автоматически, как бы следуя некоему плану. Так ему легче, так ему спокойнее.

П р у к и н (говорит в телефонную трубку, отвечает на короткие вопросы). Здравствуйте, это больница?... Моя мама... да, да, мой... наш адрес... да... не успела принять таблетки... да, да, дома... да, жду... нет, нет, в милицию не звонил, нет... хорошо, вы сами всё проведёте... да, хорошо. Спасибо вам большое, спасибо... (Пауза. Прокоп подходит к окну и останавливается перед ребром открытой оконной форточкой. Ребром форточка упирается в зрачки Прукина). А что если я сейчас возьму и добровольно ударюсь головой об этот угол форточки? Со всей дури возьму и ударюсь, а? Добровольно, а?

Осторожно прикасается лбом к углу форточки. Старая белая масляная краска приближается к зрению — резкие кракелюры временных тёмных трещин становятся близки и словно оживают. Нет, трещины не шевелятся. Просто для внутреннего существа Прокопа они неожиданно переживаются сейчас как немного живые и даже — родственные с ним части бытия. Пауза. В комнату ко гробу проходят какие-то интеллигентные старые люди, и Прокоп подключается к общему похоронному ритуалу. Прукин благодарит, кивает, делает печальное лицо, в общем, ведёт себя так, как положено вести себя молодому интеллигентному мужчине на похоронах матери.

П р у к и н. Благодарю... Благодарю... Спасибо большое... (Прукин пожимает какие-то руки).

Г о с т и. Соболезнуем... Примите наши... Так неожиданно, ещё бы могла столько сделать... Примите наши... Соболезнуем... Так неожиданно, ещё бы могла бы столько сделать... Соболезнуем... Примите наши...

В это время гроб поднимают и уносят. Прукин садится на стул, а гости подходят к нему, и кто-то передаёт документы, кто-то показывает, где подписать, в общем, крутится послепохоронное колесо документооборота, в котором Прокоп Прукин, поддерживаемый похоронными гостями, переоформляет документы на квартиру, наследство и прочие необходимые бумаги. Постепенно все исчезают, и Прокоп остаётся в комнате один.

П р у к и н (устало повторяет вслух). Мир переполнился то ли тюрьмой, то ли свободой...

Прокоп встаёт и подходит к тому месту, где был установлен гроб.

Теперь там стоит тумбочка матери, на тумбочке лежит томик каких-то стихотворений и поздравительная открытка. Прокоп берёт открытку и начинает читать, но текст открытки звучит внушительным голосом Матери.

М а т ь. Сын мой, нет ничего такого, что мне казалось неправильным в твоём воспитании, но необходимая сдержанность в проявлении удовольствия от твоих успехов мне казалась необходимой, хоть и тяжелой ношей. Ноша моя — это необходимая часть сохранения семьи в твёрдом расположении к приличию. Сын мой, разве легко матери не говорить «сынок»? Но истинная мать знает, что долг материнского одинокого

воспитания мальчика выше любого иного долга. Сдержанная строгость и настойчивость — это тяжёлый, но добровольный материнский труд. В твой день рождения мне пришлось принять и ещё один долг — понимания своего неизбежного конца и важность произведения истинных смыслов нашей не близости. Теперь я говорю правду и, может быть, подарю тебе эти слова в настоящем, а может, в следующем году, теперь только Бог весть. Мама.

П р у к и н (равнодушно кладёт открытку обратно на тумбочку). Вот ведь как, да? Вот ведь как... (На кухне со стола звонко падает вилка. Прукин морщится от резкого звука. Встряхивается). Да пошло оно всё! Решено. (Встаёт в картинную позу, декламирует). Поеду отсюда в сельскую школу, научить детей жизни, стать главным их наставником, вырвать их из дремучего сельского быта и радоваться на старости лет успехам бывших деревенских мальчишек и девочек.

Пауза. Прукин сагится в кресло. Затемнение.

Сцена 3

Комнаты Прукиных

В комнату входит старый друг семьи — профессор — и усаживается за рабочий стол матери.

П р о ф е с с о р (обращается в сторону Прукина, хотя по разговору понятно, что говорит о своих страхах накануне конца жизненного пути, впрочем, как и большинство старых людей). Послушай, пора уже увидеть очевидные вещи. Какая комиссия может быть, если результат всегда никакой? Вот сам посмотри... (Поседевший профессор вытягивает из толстой стопки бумаг, лежащих на столе, рядовую брошюрку автореферата). Они сидят и без зазрения совести выдают вот «этому» кандидатскую. Я сам это наблюдал, когда ещё то сообщество, что зовётся «научным», казалось мне чем-то существенным, как всё превращается вот в «это»... (Профессор помахал тоненькой авторефератной книжицей). Вот... (Он бросил на стол книжицу). Одна юная особа решила, что может стать кандидатом наук. Да, у неё уже накопилось достаточное количество опубликованных текстов в так называемых научных журналах и так называемых научных сборниках. Правда, все эти тексты были о том, о сём и ни о чём серьёзном, так, мелочёвка разная (он машет безнадежно рукой). Но зато в них юная особа прилежно перечисляла тексты и имена авторов, до того уже прошедших карьерные подьёмы и являющихся достаточно статусными по документам для того, чтобы их перецитировать без проблем... (Профессор тяжело вдохнул и выдохнул от такой глиняной тирады). Надо сказать, что «по удивительному стечению обстоятельств» (голот профессора становится язвительным и даже издевательским) основной объём цитирования приходился у этой очаровательной кандидатки в кандидаты на имена членов диссертационного совета. И вот, значит, сочинила эта милая девушка свою так называемую кандидатскую, но фокус в том, что ничего серьёзного, а уж тем более нового, в работе у неё нет и быть не могло. И не было у неё никаких соответствующих знаний, так сказать, по факту... (Профессор возмущённо хлопает по столешнице ладонью). Ведь вот же, вот текст (указывает на стол, как бы демонстрируя очевидность факта), и из него очевидно недостаточная глубина её знаний по данной теме. Разрозненность фактов и незнание смежных, в этом случае крайне важных, художественных произведений (опять машет безнадежно рукой). Короче говоря, о кандидатской автору было абсолютно рано даже думать, а не то чтобы собираться. Хотя и кое-какие мысли автор имел, пускай и в самом зачаточном, неразработанном виде, но они были именно зачаточные. Но ведь нашёлся же какой-то кретин, что надушил неразвитый девичий ум на всё это безобразия!.. (Вновь возмущённо хлопает ладонью по столешнице. Встаёт, начинает ходить туда-сюда перед столом и Прукиным, жестикулирует скупно, но резко, словно разрубая каждую свою фразу, отрезая факты и аргументы с ломтиками воздуха). Вместо того, чтобы ещё на стадии подготовки направить девушку по пути изучения и размышления над её зачаточными мыслями, вот это вот сообщество псевдоучёных кретинов запросто выдало ей справку о кандидатстве. Ведь большая часть этого сообщества оказалась такими же поверхностными, но крайне активными деятелями. Прохвосты, одним словом, махинаторы. Каждый из участников процесса с годами обрастал не научными исследованиями и открытиями, не глубокими работами, развивающими области знаний, а справками и медалями, членскими корочками и орденскими ленточками. Только за всеми этими справками и медальками стояла полная пустота. А так как пустота эта была и остаётся пустотой человеческой, то и породить она ничего не может, кроме той же пустоты. Это богу возможно из ничего создать всё, а человек в данном случае остаётся с тем же, с чем и начал — с пустотой!.. (Сеговластый профессор

прохаживается по комнате, рассуждая вслух практически с самим собой, он указывает иногда на Прукина, как бы призывая его в свидетели происходящего нарушения морально-нравственных норм и научной этики). Легко чувствовать себя кем-то среди никого, потому и умножать никого тоже легко и незатратно. Все эти статусы и регалии, по своей сути (он берёт какой-то листок со стола и брезгливо смотрит на него, после чего так же брезгливо бросает обратно на стол), лишь бумажно-чернильные листочки и кусочки металла... Банальности какие... (Пауза. Профессор садится обратно за письменный стол). Превратили науку в чёрт знает что. Человек, который копит эти клочки материи, выглядит довольно странно, если не сказать больше. Представь человека, нацепившего на себя кусочки металла различной формы и окраски, да ещё с пачкой бумажных листов в руках, а теперь представь, что он на полном серьёзе считает это всё крайне значимым, надувается от значимости и возмущается, если другие этого не почитают. Представь, сколько энергии этот человек тратит на убеждение окружающих в значимости всего этого металлолома и макулатуры, представь, сколько он соблазнит на такую же пустую трату жизни... (Профессор опять берёт со стола многострадальную брошюрку и прикладывает её к своей груди, видимо, имея в виду что-то продемонстрировать из описываемых им явлений. Профессорский спонтанный перформанс выглядит вполне себе убедительно, но не очень понятно). Вот и выходит, что глупо это, нелепо и очень, очень печально, ведь именно такой мир и прорывается вокруг в различных сегментах реальности. «Страшный мир, он для сердца тесен...» — именно здесь до боли становятся понятны слова русского поэта, именно здесь!

Профессор кладёт книжицу на стол, встаёт и возмущённо выходит из комнат.

Прукин провожает его, закрывает дверь, потом поправляет бумаги на столе, потягивается и укладывается на диван.

П р у к и н (лежит и рассуждает вслух). Самая страшная смерть — от богатства и нищеты, это смерть мучительная и изощёренная, а всё по одной простой причине — не знаешь, с кем бороться. Врага в этой борьбе нет, у него нет лица и имени. Безликий и безымянный враг, который, скорее всего, прячется где-то близко и нигде одновременно. В открытом бою — всё просто: ты и противник. А здесь, сегодня? Сегодня богатство изловчилось и распухло до невероятных широт, оно сегодня канонизировано справками и наделено статусами учёности... Нет, я, Прокоп Прукин, не такой, я точно из другого теста слеплен. Мать всё зудела про должности, общественное признание — какая чепуха. Настоящее богатство я стяжаю в селе, когда вчерашние школьники, бывшие вроде без перспектив, станут вдруг художниками, поэтами, музыкантами, исследователями тайн природы. Вот моё будущее и настоящее богатство, а кандидатские пусай останутся слабым и невежественным обывательским умам... (Прокоп начинает дремать, речь становится сбивчивой, отрывистой). Нет, дело не в самих лицах... Физиология была здесь ни при чём... (Прокоп зевает и удобнее устраивается на диване). Дело в их глазах и... всё же в лицах. Нет света в этой толпе обывателей, одни серость и туман... Нет никакого просвета... Вообще нет...

Прокоп засыпает. Затемнение.

Сцена 4

Комнаты Прукиных

Прукин спит и видит сон. Сон Прокопа тревожен и тяжёлый. Он мучительно тоскует во сне по чему-то невыразимо знакомому, видит какую-то забытую историю о потерянном живом существе. Вокруг появляются серые люди и толпятся, что-то говорят, собираются в углу комнаты, люди похожи на будущих собеседников Прукина и ещё кого-то. Среди голосов и шума ветра слышится ещё что-то. Звук. Повторяющийся и навязчивый. Силуэты прислушиваются. Они понимают, что кричит котёнок. Он истошно мяукает. Так мяукают, когда наступает безумие от голода. Из форточки слышна радиопередача, там сладкий голос диктора читает стихи: «Именно так, и никак по-другому, / Ушла, расплевавшись со всеми моя, злая весна, / И пришла наконец моя долгожданная зрелость...»

Шум ветра и крик голодного котёнка перекрывают звук радиопередачи.

Прукин встаёт во сне и идёт к холодильнику, достаёт из него баночку сметаны.

П р у к и н (ставит сметану в угол комнаты). На, на... не мяучь... (Серые силуэты замерли и наблюдают, переглядываются). На, на... ну где ты, гад такой, вот же еда... (Голос котёнка отделяется, словно тот убежал под шкаф, где от страха и спрятался, замолчал). Вот, в крышечку наливаю и ухожу, ты поешь, не бойся...

Силуэты, немного пообсудив странного котенка, выходят из комнат.

Прукин остаётся один. Котенка нигде нет. От бессилия Прокоп начинает шарить

руками по полу, искать глазами, он хочет что-то сделать, изменить. Что-то сделать. Руки ватные, не слушаются. Прукин обессиленный укладывается обратно на диван, закрывает глаза, немного лежит, а потом трудно просыпается, несколько раз моргает. На часах три ночи.

П р у к и н. Муть какая снится, видно, перенапрягся днём... *(Прокок встаёт и садится за стол матери. Небрежно перекладывает бумаги, потом отодвигает их от себя с видом безразличия. Смотрит прямо и начинает говорить сам с собой).* Всё просто — просто захотелось взять себе одного медведя-хоккеиста из четырёх, предлагаемых по акции «супер-кола». Ну, вы, наверное, слышали — «Призы акции «Супер-кола!», «Собери полную коллекцию мишек «Супер-кола», «Сочи 2014!» и прочее, прочее. В общем, две недели честно покупал я этот напиток и собирал крышки, которые и предлагалось обменять на призового игрушечного медведя-спортсмена. В интернете я выяснил, что медведя можно получить в определённый день и в определённом месте — в таком специальном центре выдачи призов. И вот настал долгожданный день обмена крышек на мишку-хоккеиста. Центр выдачи работал с 16.00 до 19.00, и, зная, что кто-то поедет к самому началу, я решил не торопиться. Поехал часам к пяти-шести вечера, чтобы не толкаться в очереди. В общем, приехал, и оторопел — две огромные очереди народа, и почти у всех в руках по пакету, набитому этими самыми собранными крышками. Подростки, юноши и девушки, молодые мужчины и женщины — с безумными глазами все лезут и хватают по пять (в одни руки только пять штук выдавали) медведей, заходят на второй раз и берут ещё пять, и ещё... Всё это были в основном молодые люди. По крайней мере, по внешнему виду они выглядели и молодыми, и людьми... *(Прукин потёр лицо, как бы просыпаясь окончательно).* Мне даже как-то неудобно стало за свои несколько штук крышек на одного единственного медведя. Но всё-таки отстоял безумную очередь, взял своего хоккеиста и вдруг увидел в конце очереди бабушку с маленьким внуком, которых группа молодых обезумевших девушек (девушек было больше всего) постоянно выталкивала назад. Пацан сжимал в руках целлофановый мешочек, где было столько же крышек, сколько и у меня. Я стоял, смотрел на эту бабушку и пацана, и так мне стало отвратительно на душе, и как-то даже застеснялся сразу своего участия во всём этом действе. «Как лошара распоследний», подумалось тогда. В общем, подошёл я к тому пацану и спрашиваю: «Слушай, парень, ты какого медведя хочешь взять?» Он отвечает: «Хоккеиста или лыжника, но у меня только на одного крышек накоплено». Достал я своего медведя-хоккеиста, отдал пацану и сказал: «Вот теперь у тебя ещё крышек и на лыжника хватит»... *(Прукин встаёт и подходит к кухонному столу, наливает в стакан воды из небольшой пластиковой бутылочки, отпивает немного).* Я же потом встретил перед Новым годом одну знакомую, которая взахлёб начала рассказывать, что насобирала 55 мишек «супер-кола». Так и не понял, зачем они ей были нужны, но осадочек, как говорится, остался. Больше с той знакомой старался не общаться. Как самому себе потом объяснял: «по причине её дебилности, чтобы не заразиться».

За окном слышен звук подъехавшего автомобиля, хлопает дверца машины, потом тишина. Прукин смотрит в сторону окна, ставит стакан на кухонный стол и подходит к платяному шкафу. Шумит ветер. Прукин роется в шкафу. Затемнение.

Занавес

Действие II

Сцена 1

Город, частный сектор

Одноклассник Прукина Колян живёт на самом краю города, причём и в буквальном, и в переносном смысле слова. Комната частного дома. Колян сидит и подтапливает просвечивающую через расколотые в кирпиче щели домашнюю печь какими-то сучковатыми обрезками древесины. Прукин сидит на диване с кружкой чая.

У Коляна тоже кружка с чаем стоит рядом на табуретке.

Колян, видно, продолжает рассказывать какую-то свою историю.

К о л я н. После бури той едем мы с отцом по трассе. Вокруг штабелями положены берёзы и мужики с бензопилами. Заготовка пошла халявная, это ж не лес, платить не надо, мож продадут.

П р у к и н. Нормально. А вы куда с отцом-то ехали?

К о л я н. Да, короче, подписался на командировку, в операторе нашем, по сотовой.

П р у к и н. А делать-то чего надо?

К о л я н. Да там типа не хватает людей, ну и съездить надо, в салоне поторговать.

П р у к и н. Ну и как, поторговал?

К о л я н. Да приехал, первым делом письмо с фотками отправил. Типа чё меня в дыру какую-то отправили. Салон не виден ни хрена, ни с какой стороны, рекламы никакой нет. Я сажу типа на улице, курю, мужик мимо идёт какой-то, и спрашиваю у него, типа где тут сотовый салон. Тот такой: да нет здесь никакого салона. А он местный, ходит тут в магазин каждый день за покупками и даже не в курсе. А он реально не виден там. Типа ходишь так, смотришь там прямо перед собой, и у тебя, короче, видна аптека, видны так какие-то магазины игрушек, и от салона этого пол-яичка логотипа видно только. Ну, я отослал фотки, чтобы типа посмотрели, как тут.

П р у к и н. Ты, в общем, заморочился, что вроде приехал, а условий никаких?

К о л я н. Ну да. Да и вообще, хочешь вроде помочь, людей у них нет, ну, думаешь, ладно, как лучше чтобы, раз уж приехал. Вроде как кто-то приходит-уходит, людям как бы по фигу. А так вроде как помощь преподнести, вроде как не зря устроился.

П р у к и н. Ну и с родителями там в деревне заодно пообщался, да? Они спрашивали, как ты живёшь, поди?

К о л я н. Ага, спрашивали.

П р у к и н. Ну и что, брат, как ты живёшь?

К о л я н. Ну, как... *(Довольно хмыкает)*. Мне нравится. Нормально живу.

Пауза. Колян открывает скрипучую дверцу печи и проталкивает в неё кривой сучковатый тонкий обрезок древесного ствола.

П р у к и н *(хмыкает)*. Ну да, нормально *(отпивает из кружки)*.

К о л я н *(привалившись к стене, берёт кружку и тоже отпивает, причмокивает)*. Бог же нас вроде как сделал, чтобы жили и радовались, вот и радуюсь... *(Смеётся своей шутке и отпивает ещё из своей большой кружки)*. Я к родителям-то приехал, что работы не было, да телефон ещё потерял. Я вообще шёл симку восстановить, ну и вот работа эта подвернулась. Думаю, какая разница, всё равно сажу, в общем, так и устроился туда. Там две девки местные работали, слово за слово, в общем, так и устроился. Я вообще зарекался с коллегами не спать, а тут опять влез. Короче, замутил так, без мыслей, ну у одной как-то сидели, я, в общем, и остался. А потом ничего такого и не думал, ну было и было. Со второй так же. Ну и особо не распространялся им про это. А девки эти уже что-то там навывдумывали. Тут зарплату должны были дать, одна вообще говорит мне, типа чтобы ей отдал, а то типа пропьёшь. В этом месяце, говорит, у тебя уже ништяк должно быть, как раз мне её типа скинешь сразу, и будем типа вместе. Я ей говорю, какой вместе, на фиг мне типа это нужно-то.

П р у к и н. А она чего в ответ?

К о л я н. Ну, а мы до этого... я ходил типа ужин там готовил.

П р у к и н. А она уже вроде как об этом подумала, что как семейная жизнь, да?

К о л я н. Ну да. А я-то просто после работы, ну и вроде как чего тёлку-то не научить готовить, ей это вообще как бы нужно по жизни.

П р у к и н. Так они в своих домах живут, не в съёмных квартирах?

К о л я н. Да они типа все уже разведены, дома свои. У одной ребёнок есть. Одной 38, а второй 24 года, вторая без ребёнка пока.

П р у к и н. А ты то к одной, то к другой периодически ходил, после работы и так, да?

Прукин задаёт вопросы немного механически, думая о чём-то своём.

К о л я н. Ну да. Я это считал всё типа как дружбой. Ну, там выпивали вечером как-то, переспали по разу. Она говорит, типа мужика нет, ну, нужен как бы, ну вот и так всё без каких-то там дел, так, по дружбе. Просто корпоратив типа там был, шашлычок жарили, а потом она всех уже по домам отправила, а я остался.

П р у к и н. Это да, корпоратив-то корпоративом, а в жизни-то оно тебе вроде бы и не упало никак. Ты же холостяк вроде убеждённый уже.

К о л я н. Ну да. Оно всегда так получается. Вроде девка какая к тебе приходит, а потом три дня пожила если, то всё, начинается. Короче, если три дня подряд просыпается в моей кровати, и у меня начинается типа такой в голове подгон, типа думаю всё время — «надо тебе уезжать, короче». Думаю, надо чё-то выдумать, то там родители ко мне типа должны приехать с дочкой моей, дочке, короче, тут надо будет ночевать, все дела. Ты тут давай типа пока свали на недельку, вся эта канитель пройдёт, а потом типа обратно переедешь ко мне. Она же к третьему дню уже и вещи свои успеваешь кое-какие понавезти в дом. А так, говорю, как раз и остальные вещи довезёшь типа, а пока так оставь всё. Неделька проходит, не звоню, вторая неделька проходит, не звоню, короче, начинает звонить, типа чё-как. Да, блин, чё-то заморочка какая-то, опять что-то выдумываю. Короче, говорю, тебе надо вещи собрать, свалить, в общем. Нет, ну, мы там типа друзьями останемся, всё нормально, ну, просто чё-то не получается.

П р у к и н *(с неожиданном интересом)*. И так всегда, что ли?

К о л я н. Ну да, три дня проходит, и всё.

П р у к и н. У них, наверно, инстинкт какой-то срабатывает, ведь чего они остаются иначе, понятно же, чего им всем надо-то.

К о л я н. Ну, они вроде как просто так хотят, вроде как жить не собираются с тобой, но у них вот этот бабский какой-то инстинкт, что ли, то ли чё, продолжение рода, может. Кто его знает, короче, чё там у них происходит. Ну, а там потом начинается уже — давай купим это, а не то давай вот это сюда переставим, друзья твои что-то не такие, как надо. Короче, капать на мозги тебе начинает. И не то чтобы явно, а так, между делом. И главное, она же даже если нормально кажется, типа такая вся в теме, то всё равно всё так же в конце делается с ней. Она так какает, что типа вот этот друг твой, он тип какой-то не очень. Я говорю, что типа всё равно буду с ним общаться. Она тогда начинает, что типа, ну, вот он тебе нравится как друг, и я тебе нравлюсь, ну и мы-то с тобой типа вместе, а с ним-то ты типа не живёшь. Я ей, ну ладно, типа урежу частоту с ним общения.

П р у к и н. И вроде как ритм жизни начинает нарушаться, да?

К о л я н. Ну (*Колян на секунду задумывается*), не то чтобы так вот, а куришь на унитазах, сидишь и думаешь, а правильно сделал, может, она тут вообще не очень нужна, мне же вроде и без неё нормально было. А потом думаешь, а зачем мне вообще это надо-то, чё я сижу и думаю про это вот всё, можно же, в принципе, вообще об этом было не думать. Короче, зачем она вообще тут нужна-то?

П р у к и н. Понятно, в общем, начинает она тебя напрягать своим присутствием.

К о л я н. Ну да, кто-то тут явно лишний. Это как эти самые, монахи, они же не зря от баб в монастыри-то убегали, там типа можно спокойно жить, без напряга вот этого, дела разные там по дому, когда надо, тогда и сделал, по нормальному такому укладу. Ну и, вместо накурки там какой или бухла, они только молятся, общаются там со всяким высоким, и тоже вроде как прёт их от этого.

П р у к и н. Ну, так они же там и сбегают некоторые, да и про монашек разные истории явно не на пустом месте рассказывают.

К о л я н. Ну, так там тоже люди они, ну кто-то нет-нет да сбегает по делам разным своим, а так всё типа ровно двигается. Монашки, оно ведь тоже, если по этой схеме, выходит, что тёлки самые нормальные, которые тоже типа поняли всю беспонтовость здешней бабской суеты. Ну, я так сам думаю, что сильно так может быть.

П р у к и н. Так а ты сам-то в монастырь как, не хотелось?

К о л я н. Да не-е, зачем мне это всё, мне так нормально. (*Пауза. Оба молча пьют чай*). Тут девчонка одна появилась вот, из кришнаитов, она поиграть ко мне приходит, у неё эта, как её, ну, в общем, такая штука типа барабанчика стального, а я на гитаре с ней сейшеню. Говорит, что, может, к нам, какой праздник будет, придёшь тоже, поиграешь. У кришнаитов курить никто не курит, да и пить тоже там никак. Да это ладно, я же и не думаю к ним туда, это она так. Она вообще просто приходит иногда, типа поиграть. У них аскеза там, алкоголь, вещества всякие — никак, готовят без мяса и рыбы, без яиц. Так-то у них служение интересное, они радуются постоянно, как от жизни просто кайфуют. Она приходит посидеть, поиграть как друг, и поговорить с ней нормально. Она играет так нормально. Барабанчики такие небольшие, прямо хорошо делает, флейта ещё у неё.

После выпитого чая лицо Прукина разгорячилось, и ему захотелось умыться. Прукин идёт и моет руки в малюсенькой ванной комнате, где стоит старая пластиковая ванна, стиральная машина и унитаз, между ними полметра пространства. Вымыв руки, Прокон хочет взять полотенце, но в нерешительности замирает — перед ним висит два одинаково влажных полотенца, одно синее, второе — красное.

П р у к и н. Колян, а какое полотенце для рук?

К о л я н. Да какая разница.

Прукин выходит в комнату и бормочет.

П р у к и н. Действительно, какая?

В комнате Прукин берёт с кухонного стола серое полотенце и вытирает им руки.

К о л я н. Ты-то как, чё-т не забегаешь вообще?

П р у к и н. Да как обычно.

Прукин собирается, берёт свою сумку, надевает кепку.

К о л я н. Чё, пошёл уже?

П р у к и н. Ага, домой надо, а то напряг начнётся.

К о л я н. А, понятно, ну давай (*вставая, подаёт руку*). Пойдём, провожу до ворот, а то там типа замок не работает.

Прощаются. Прукин выходит за ворота. Сцена прокручивается.

Прукин идёт и рассуждает вполголоса, словно убеждая самого себя в чём-то,

с чем глубоко внутри не особо согласен.

П р у к и н. Ну ведь действительно. Поговорили ведь. И может, и не так часто встречаетесь, как раньше, может, и вообще раз в полгода, но главное в другом. Просто вот эта вот рассинхронизация тебя «приличного» и друга — холостого — она не в разности, она в самом ритмическом рисунке жизни. Дело здесь не в категориях хороший-плохой, добрый-злой, хотя они, конечно, всегда присутствуют в нашей жизни, но здесь иная геометрия, иной тип ритмического рисунка жизни. Здесь это означает просто два типа синхрона, да, когда-то имевшие один близкий звуковой тон, ритм — звуковой исходник, но теперь сформировавшие свои уникальные и сложные жизненные ритмы. Тем не менее, все мы играем на одной и той же гитаре, хотя и мелодия у каждого своя. И потому и не глушим друг друга, а просто живём так, как сейчас в этот момент согласуется ритму каждого из нас...

Прукин выходит на дорогу и шагает по улице. Сцена прокручивается. На огромном экране над сценой крутится визуализация его мыслей. Дождь моросит тонко, почти незаметно. Городские цветочные клумбы, провинциальные, немного наивные в своём железобетонно-квадратном, технически понятном оформлении, всё же покрашены разноцветной краской — белые, синие, красные. И цветы в клумбах, под этим мелким дождём, в этой лёгкой серебристости приближающейся осени, цветы горят яркими-яркими самоцветами, немислимыми яркими пятнами, размываясь в мокрых витринах и окнах проезжающих рейсовых микроавтобусов. И это тоже был свет. Жизнь пульсировала и громоздилась со всех сторон и вдруг, среди этого серебристого послеобеденного приятного полумрака зажглись электрические шары над маленьким козырьком уличного сетевого ресторанчика быстрого питания. Асфальтовая широта и влажность проспекта улетала вверх, по холму, в центре города, на его главной, старой улице, вокруг которой восходили дома. Линия проспекта стремительная, когда ты резко обернулся назад, и такая мягкая, текущая вверх перед человеком. Кирпич — поношенный, пятиэтажный — и панельные многоэтажные бетонные прямоугольники оказались раскрашены мозаиками с изображением людей разных рабочих профессий. Прукин раньше совершенно не обращал на них внимания. Их застала пластмассовый мир торговых центров — мир пружинской повседневности. Но по земле кое-где всё же была жизнь, она пробивалась вкраплениями цветочных клумб вдоль побочных улиц, вдоль асфальтовых полос городских проспектов. Прокоп останавливается, разглядывает огни и, приложив к уху смартфон, говорит то ли самому себе, то ли кому-то на том конце трубки.

Как будто разговаривает с кем-то знакомым и рассказывает ему будничные новости, убеждает.

П р у к и н. В сердцевине мира лежит печаль. Глубокая тоска — внутри человека, и радость — вокруг. Только они и могут придавать миру красоту. Это и есть настоящая красота — печаль в сердце, теснота какая-то и радость вокруг, от которой ещё теснее внутри и острее в сердце. Душа, что ли, какая-то там болит. Красота ошеломляет и пробивает до слёз, даже как-то неловко кажется открыть подобное явление души в себе. Поганый гуманитарий, образованец сидит там, посередине, словно на унитазе. Он тоже там — внутри, он бухгалтерски подсчитывает глаголы и прилагательные, синтаксические конструкции, всю энциклопедическую мелочь тырит по карманам и надувается от важности и избранности себя эдакого учёного и всё понимающего. Я впервые со стыдом увидел это мерзкое существо, почувствовал его рабское преклонение перед дешёвизной грамматики. Мне на мгновение стало по-настоящему стыдно. А потом всё забылось, заматалось как-то и стало не моим будто.

Прукин уходит за сцену. Затемнение и смена декораций.

Сцена 2

Город

По улице идут Прукин и «Киргиз», разговаривают. Прукин продолжает какую-то нагоедливую дискуссию.

П р у к и н. Воистину, мы люди, не знающие чтения мира. И мы русские, не знающие России... Жизнь — это оксюморон... Вся эта суета, банальщина, бесконечные оторванные клоки мяса друг от друга, как это всё отвратительно, как это всё *(он шевелит губами, подбирая слова)*... мерзко, и в то же время как это всё глубоко возвышенно в своей тупой простоте. Поэт однажды замечательно ответил на все эти «почему» о наличии злоубийства в мире, да потому, что надо сделать ветчину, вот потому и убивают у мамы свины её маленького поросёночка, что мягенькой молочной ветчины хочется. Всё бурление мировых революций и прогрессов обусловлено тупой вымученностью

замысла — всем по куску ветчины.

К и р г и з. Я, кстати говоря, кушал однажды очень даже неплохую ветчину в маленькой испанской таверне. Здоровый чернявый мужик вынес на деревянной тарелке кусок разрезанной на дольки ветчины с сыром, зазывали всё каким-то немислимо простым вином. Изумительные ощущения были, скажу я тебе, сударь. Так что если мир за ветчину, то я, пожалуй, вполне себе за этот мир.

П р у к и н. Да разве я против мира, нет, конечно, просто порой нахлынет какая-то волна информационных причитаний, вот и думаешь, да неужели вы все, причитальщики о добре, не в курсе того, что в основе мира лежит жареный кусок мяса на деревянном блюде. Вся эта вегетариански-постническая лабуда, там порой такую ахиною несут, что даже и кажется действительно чем-то умным принять их точку зрения о мире во всём мире. Гуманизм такой, знаешь ли, идиотически улыбающийся по дедушкиным заветам Ленина-Карнеги. Правда, когда, наголодавшись, они жрать начинают хотеть, то жрут не просто ветчину, а ветчину из друг дружки норовят забаббахать.

К и р г и з. Так ничего же удивительного, давно известно, что весь современный гуманизм — это разновидность людоедства под приятный минует.

П р у к и н. Слушай, реально поесть захотелось, здесь кафешка, поди, есть какая-нибудь?

К и р г и з. Да, думаю, есть, правда, не уверен, что нам там из местного повара ветчину подадут, но какую-никакую яичницу наверняка поджарят.

Они входят в придорожное кафе. В кафе за прилавком стоит натуральный гуманист, эдакий заядлый друг всех свиней, прямо-таки гуманист-гуманист с тоненьким личиком приличного очкастого ботаника и улыбкой доброго каннибала.

Если быть совсем точным, то мальчик за прилавком совершенно нейтрально мог оказаться маньком-педофилом с тяжёлым сиротским прошлым и вчерашним школьным лузером-ботаником из интеллигентной семьи, вдруг открывшим для себя возможности легального садизма через поджарку разбитых птичьих яиц и кусков зарезанных поросёток.

К и р г и з (делаёт заказ). Две яичницы.

Прукин и «Киргиз» садятся на диванчики за столик. В кафешку «въезжает на понтах» почти голозадая бабёха. Полуагрессивная самка. Судя по резким поворотам маленькой головки с причёской каре, самка находится в состоянии то ли поиска жертвы для поедания, то ли просто бесится от несовпадения количества прожитых ей лет и внутреннего ощущения юности. Кожа её голых ног, рук и лица солярийно перенасыщена шоколадным нагаром. Огромные чёрные очки она поднимает небрежно вверх, зацепляет на лбу и так же небрежно бросает бармену-людоеду.

П о с е т и т е л ь н и ц а. Милый, водички налей-ка мне.

Б а р м е н (не особо любезно). Какой водички?

П о с е т и т е л ь н и ц а. Какой-какой — замечательной.

Прукин и Киргиз переглядываются между собой. Киргиз подмигивает Прокопу.

К и р г и з. Видал? Вот тебе наглядный пример ококультурного каннибализма. Это она с помощью первобытных игрищ, оформленных в современный антураж, пытается окупить жертву и подготовить её к ритуальному поеданию.

П р у к и н. Ага, а жертва-то, будучи заведомо слабой и трусливой, пытается хорохориться, щетинясь и агрессивно демонстрируя свою якобы опасность для самки. Причём оба знают своё положение, и самка, и этот вот «милый». И ничего, приятно улыбаются. Вон он ей даже водичку наливает.

К и р г и з. Да вопрос, в сущности, прост, и звучит он незамысловато — кто кого ест? Это модифицированная в элементарную простоту версия вопроса «что это даёт мне?» с переводом на собеседника. Что это даёт тебе? Вот и всё. Ответ на этот небанальный вопрос и тогда отвечай на любой следующий. Мимо ответа на этот вопрос проскочить невозможно. Ты садись за стол, рулетка, покер — неважно, и ищешь ответы. Но на самом деле в каждый момент игры ты ищешь только правильный вопрос.

П р у к и н. Что-то я запутался, какой вопрос?

К и р г и з. Настоящий, самый настоящий. Ведь все эти «кто кого ест?» или «что это даёт мне?» не настоящие вопросы. Они, если разобраться, только те же вербальные последствия инстинктов, что и разговоры самца и самки перед спариванием, аналог брачных игр животных. Копай глубже, тогда и до истинного положения вещей дороешь.

П р у к и н. Насколько глубже-то? Ведь копание у нас обычно выглядит как самокопание, а здесь вроде бы речь об истине.

К и р г и з. Так, может, истина в самом человеке и зарыта. В конце концов, если это

истина, то какая ей разница, где находится, она, в конце концов, в любой точке прямо необходимо должна быть, и в любой этой точке ты её отыщешь одинаково истинную.

П р у к и н. Вот здесь, думаю, любой человек и соскальзывает вбок. Рыть-то мало кому охота, в книжке какой прочитать, оно всё проще будет.

К и р г и з. Проще, само собой, проще. А ты иди к истоку, ставь всё на свои места, и тогда станет понятно. В таких вещах книжкой-то не удовлетворишься одной.

П р у к и н. Одной, может, и нет, а если много прочитать, так хоть поговорить с кем приятно становится. *(Оба тихо смеются. Бармен приносит их заказ — две яичницы).* Знаешь, вот вдруг подумалось мне, ты ментом-то зачем пошёл, оно же разве стоит того? Вот сидим, вроде приятно беседуем, а если разобраться, то и тебе, наверно, мало где рады, в смысле, среди коллег-то по опасному, как говорится, «бизнесу», там и поговорить наверняка особо не с кем?

К и р г и з. Так здесь дело привычки, а поговорить, ну, вот с тобой можем, разве мало? Может, оно того и стоит, чтобы разговоры такие не особо частили в жизни нашей, может, они потому и редки, что так лучше для дела.

Пауза. Оба едят.

П р у к и н *(отставляя в сторону пустую тарелку и вытирая рот салфеткой).* Ты не обижайся, но я ни за какие бабки не согласился бы занять твоё место.

К и р г и з. Чего так?

П р у к и н. Чего? Ты ещё спрашиваешь! Каждый день бомжи, наркоши, гопота всякая тупорылая и упёртая. И весь этот вонючий антураж клоповника, он же даже во всех этих кабинетах, оперских, прокурорских, и что там ещё у вас есть, оно же, запах этот каторжанский, он же везде проникает. За какой справкой зайдешь, и то пропахнешь, а ты там каждый день курсируешь, жизнь вся там и организуется у тебя. Это ж с ума сойти.

К и р г и з *(тоже отодвигая пустую тарелку и беря салфетку).* А ты думаешь, что ты на другой стороне? *(Вытирает губы салфеткой и откидывается на диванчике).* Нет, друг, ты часть этого всего, ты обязательная часть этой провальной пропасти, и что не в самой клоаке — так это ж сути не меняет. Так даже ещё хуже. Только не обольщайся, без обид, но ты даже не часть системы. Ведь это всё какая-то подсистема, недосистема, это опухоль на теле стройной системы мира, только называется красиво «система образования», а по сути та же тюремная клетка, опухоль раковая. И все мы в разных таких опухолях всю свою никчёмность, под названием жизнь, и влачим, тусуемся. Да, сударь, не жизнь, а именно никчёмность, это даже существованием нельзя всерьёз назвать. Ну, какое на фиг существование у волоска на заднице?

П р у к и н. Не борщи, а то как-то обидно, да. *(Прукин нервно хохотнул).* На краю, брат, на краю шутка.

К и р г и з. На краю? *(Киргиз хищно оскалился).* Да нет никакого края, есть только вот это всё, что я сказал, а остальное — жизнь, существование — это к нам ни к кому не имеет никакого отношения. Ну, может, за каким редким исключением. Так что расслабься, что ты, что я, что вся та перхоть, что по клоповникам посажена, — всё одна большая, катастрофически гигантская, невероятной охренелости задница, и нет из неё иного выхода, кроме как соскакать в землю по распорядку, ну или экстерном, кому как придётся на душу.

П р у к и н. Ересь какая-то, слушай, может, девок вызовем, а?

К и р г и з. Можно и девок, с ними соскакать всё веселее, надо тогда чего-нибудь лёгенького взять, пивка какого хорошего.

Киргиз подмигивает, нарочито щёлкнув языком.

П р у к и н. Да понял я, в сауну, так в сауну, всё равно завтра день пустой, отосплюсь... *(Оба встают и идут к выходу из кафе).* Слушай, всё как-то недосуг спросить было, а почему тебя «Киргизом» зовут, ты ж вроде по виду весь русский?

К и р г и з. Почему-почему, потому, что у нас что ни русский, то киргиз, а то и вообще татарин *(Киргиз хохочет и похлопывает Прокота по плечу).* Да шучу я, шучу. Пацанами просто подрались как-то, я наутро с такой рожей распухшей был, что глаза с трудом открывались, вот и прилипло так. Но ты вообще-то не забывай, что при исполнении меня Влад Сергеевич зовут.

П р у к и н. Не вопрос.

Выходят из кафе.

К и р г и з *(оглядывается вокруг и говорит неожиданно, поднимая со значением палец вверх).* Аристотелевский полис — это та же соборность, только соборность является более развитой и реализованной идеей.

П р у к и н. Чего?

К и р г и з. Коллективно, говорю, группой лиц по предварительному сговору сейчас на дело идём *(хохочет Киргиз Влад Сергеевич и опять щёлкает языком как-то по-степенячки, словно подстегивая лихого скакуна под собой).*

Оба уходят. В это время сквозь стеклянную большую витрину видно, как посетительница мило беседует с барменом — она смеётся свободно, бармен улыбается вымученно и принуждённо. Затемнение и смена декораций.

Сцена 3

Комнаты Прукина

Экран телевизора, напоминающий оконную раму. Прукин сидит за кухонным столом и ест пельмени. В экране патлатый деятель в очках в изнеможении закатывает глаза и торжественно вещает со сцены, прикартавливая «под Иосифа Бродского», хотя больше похож на назойливо подвывающую Беллу Ахмадулину. Видно, что патлатый говорит без смущения заготовленную речь, а присутствующие в зале (на них переключается иногда камера оператора) согласно и неискренне кивают.

Деятель в экране (*продолжая давню начатую речь*). Наше детство — это сплошная холодная война. Юность — война информационная. Обе закончились потерянными людьми и сохранённым Отечеством. Ибо никому из людей не дано выигрывать войны третьего тысячелетия, но защитить и сохранить Отечество может в себе каждый!..

Прукин. Хороши пельмени.

Деятель в экране. Здесь богоизбранность становится личной ответственностью, а всё неустраивает мира — частью личной вины. Когда это правда, то Отечество начинает означать, нет, не важное, а единственное, то есть — главное. Ибо человек мелочен и слаб, но Отечество не состоит из человека и даже не состоит из человеческого подвига. Отечество подобно речи или поэзии — это и есть божественное, которое порой проходит сквозь ум, и ум вдруг решает, что это его собственность, сквозь душу, и душа решает, что она есть источник света, сквозь дух, и дух мнит, что это его подвиг. Всё это игры ума, души, духа — игра света, игра отражений на темноте человеческого существа...

Прукин. Что-то многовато пельменей сварил. И молоко теперь всё выпито. Придётся идти в магазин за молоком, а то ведь завтракать-то чем буду?

Деятель в экране. Тьма — это всего лишь слепой человек, который прыгает и пытается оторваться от земли, на нем отражается свет — на его уме, душе, духе. Но в том-то и дело, что прыгать бессмысленно, ибо никто никогда не переставал лететь, достаточно просто перестать прыгать или строить в небо лестницы из иерархий прыжков, достаточно просто открыть глаза. Истина проста и неделима, и нет больше ничего другого, потому что другое — это всё низ и верх, которые для космического и божественного просто смешны. Потому и говорится, что любое другое недостойно Отечества, речи, поэзии, но достойно одной лишь вины за разрушение в себе храма искусства...

Прукин. Да и хлеб закончился. Точно в магазин придётся теперь идти.

Деятель в экране. Трезво рассуждая, храм религии — это всего лишь один из храмов человеческого единого искусства. Пастернаковское понимание основы, сердцевины, когда детская эгоистичная отдельность человека на одинокой земле совсем не трагедия, но слепота. Ведь по земле вверх можно лишь в гору. Но в небо можно только сразу, только сквозь и над землёй. Ведь на самом деле, низа нет и никогда не было, ибо там внизу, сквозь землю — там только опять небо. Этакая интерпретация птолемеевой системы мира для одного письменного абзаца... (*Прукин доедает пельмени, встаёт, складывает грязную посуду в раковину и включает воду. Вода шумит, заглушая телевизионный звук. Прукин дёлает телевизор погромче и начинает мыть посуду*). В начале 20-го века Павел Флоренский пишет о мнимостях в геометрии, где настойчиво указывает на буквальность путешествия в дантовой «Божественной комедии». Эта буквальность означает путешествие книжное. Ибо книжное можно отметить другим книжным, но поэзия — событие неотменимое, и здесь заслуга всей истории человечества, но не одного человека. Человек может быть одним из отражений, но не может быть поэзией. Ахматова не может светить всем, так же как не может всем светить Цветаева — просто таковы ваше и моё отражения, ведь мир разнообразен, а один или два поэта, при всей их значимости, — это равные нам соседники, иначе мы обязаны молчать с рождения... (*Прокоп молча домывает грязную посуду и принимает-ся тщательно вытирать её кухонным полотенцем*). Вы же понимаете, что равенство здесь — это не те книжники, которых сегодня развелось превеликое множество. Каждый из них так и будет бегать вокруг земли, то есть по кругу, и какой бы большой ни была орбита этого круга, он никогда не вместит и не объяснит всего. В этом мы видим замечательное свойство поэзии, когда ничего нельзя сказать до конца и всё сказанное неотменимо. Но это только метафора, а не сама поэзия, хотя нас и пытаются убедить в обратном...

П р у к и н (*обращаясь к экранному выступающему*). Что-то ты уже надоел мне, дружок. Есть что сказать, так скажи коротко и по существу, а остальное — это так (*повертел пальцами в воздухе*), приятная риторика. Упражнения для ума и речи, конечно, необходимы, но не их же придумали для телевизора. В культурной программе лучше историю какую-нибудь рассказать, биографию известных художников, а здесь всё больше абстрактные рассуждения (*расставляет вымытую посуду по надлежащим местам*).

Деятель в экране. Мы сами выбираем монотеизм или идолопоклонничество, но Отечество нельзя выбрать, Отечество можно только потерять. Для этого достаточно и одного в поле воина. Нам посчастливилось жить на рассвете нового тысячелетия, и сегодня мы в самом пекле. Идёт война интеллектов за интеллект — это глобальная война, где сохранить и защитить Отечество может каждый. Потому мы ведём бои за каждого человека и теряем живых людей. Порой это танк, порой трибуна, но всегда в центре русской культуры эту войну вёл каждый литературный журнал! Важно помнить одно — сегодня мы защищаем Отечество вместе с вами...

В телевизоре заиграла торжественная музыка и диктор сообщил, что ведётся премьера трансляция с вручения одной из литературных премий от какого-то «старейшего в России литературного печатного органа». Прукин садится в кресло и переключает канал, идёт тихая театральная постановка, под которую Прокоп и задрёмывает в полном умиротворении своего культурного слуха.

Занавес

Действие III

Сцена 1

Крупное село, райцентр, сельская школа

Кабинет главы сельской школы представляет из себя вполне унылое зрелище — штукатурочные стены, схваченные по углам плесневелым потемнением, окно с ржавевшими решётками и несколько цветочных горшков на подоконнике. За спиной директора на стене висит новенький портрет руководителя государства, а на столе стопками пылятся отчётные документы. Директор, Андрей Парамонович — старый администратор, плотный и крепкий телом мужик, — сидит за столом по-деревенски надёжно. Его костюм выглядит немного потисканным, старомодным, но чистым. Прукин неудобно мостится на низком офисном стульчике, приобретённом, как и большая часть школьной мебели, по случаю то там, то здесь, отчего создаётся ощущение какой-то разрозненности интерьера.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч (*продолжая начатый недавно разговор*). Поразительный парадокс классовой борьбы в том, что законами большинства стран этот факт отрицается. Ну, вроде как по закону все равны и никаких таких классов не существует, а по факту мы только и видим вокруг себя, как один класс эксплуатирует другой. Только эксплуатация имеет и образовательные механизмы угнетения.

П р у к и н. В каком смысле образовательные механизмы угнетения, в смысле — кого угнетают?

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Не кого, а по каким признакам. Просвещение же тоже может оказаться не одним и тем же для богатого и бедного, это если в старых терминах говорить. Хотя старые вполне отражают суть дела и сегодня. Но в целом сегодня классовая борьба эволюционировала, и налицо угнетение индустриальным аграрного, или, проще говоря, городским сельского. Много ли сельчанам доступно во время школьного обучения того, что доступно городским? Но это же не значит, что сейчас всё село надо в город переселить. А кто тогда на земле останется трудиться? Вот то-то и оно.

П р у к и н. Андрей Парамонович, но это разве не естественное состояние дел, село же совсем иной тип общественного ландшафта. Ведь не может же село быть городом, здесь даже территориально всё по-другому. А перемещать никого и не надо, просто обучение должно быть всем одинаково развитым и современным.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Вот смотрите, Прокоп Ильич, что получается. Если капитан самовольно пришлёт себе погоны генерала и попытается командовать, то что произойдёт? Его по закону пресекут, накажут, да ещё и низведут до рядового. То же самое, если канцелярист решит подписывать министерские документы как министр. Не по рангу покушаясь, гражданин законом будет поставлен на место. Низойдёт на такого фемида так жёстко, что другим неповадно будет.

П р у к и н. Само собой, это же естественно, иначе хаос полный случится, всё работать перестанет.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Верно, и государственный закон это закрепляет, запрещая не по рангу что-то делать. Но тот же государственный закон говорит, что все равны. Верно?

П р у к и н. Ну да, демократия в этом ведь и есть, когда мы любой удобный нам строй и систему исповедуем.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Демократия — демократией, это вы, Прокоп Ильич, хорошо вспомнили. Только демократия здесь не та, о какой трезвонят большинству, и не та, что в головах этого большинства вбита. Потому что не может она быть полной. То есть в головах-то она вроде как предполагается полной, потому что вроде как любой рядовой может стать генералом, а канцелярист — министром, а из села вроде как вполне можно и по городским меркам что-то там сваять, организовать и прочее. Это как старая история, что любая Золушка вполне вроде бы может стать принцессой, что почти о том же. И всё красиво и замечательно в теории, верно? Такая ведь демократия представляется?

П р у к и н. Ну, в принципе, и это тоже, да.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Нет, не в принципе, а вот только в теории. По факту много ли вы знаете примеров, когда дочь генерала выдали замуж за сына рядового или тракториста какого-нибудь?

П р у к и н (*усмехнувшись*). Нет, но кто на кого учился, тот, как говорится, на том и женился.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Замечательно, замечательно (*оживляясь*). Это вы где-то слышали, наверно, поговорку?

П р у к и н (*пожимая плечами*). Наверно, не скажу точно, но как-то сейчас что-то вдруг само проговорилось.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Надо запомнить, надо запомнить, замечательно, как хорошо сформулировано-то... Так вот... (*продолжая свою мысль*) вот здесь мы и подошли к вопросам образования. Понимаете, знания можно передавать двумя механизмами. Первый — это добровольная передача, альтруизм некоторый в стремлении поделиться знаниями максимально полно, некое внутреннее убеждение, что человек человеку обязан передавать свет просвещения. Второй механизм сегодня известен очень широко, это выдача, а не передача, когда за определённую плату приобретается часть знаний. Выдаётся ровно та порция, за которую получатель заплатил, остальное требует доплат. Здесь альтруизм и просвещение невозможны по определению, так как при их появлении пропадает сам повод платить. Вот потому-то дочь генерала получит больший объём знаний и возможностей, чем сын тракториста, а следовательно, и организовать их в пару генерал не видит, в отличие от тракториста, смысла. Очевидно, что тракториста-то семья приобретает, но не менее очевидно и то, что для генераловой семьи такое приобретение зятя-тракториста выглядит довольно сомнительно. Хотя, если глубоко разобраться, то и семье тракториста зачем этот самый генеральский погон? Что они, землю им пахать лучше станут, что ли?

П р у к и н. Люди друг до друга не доходят, значит, ни в прямом, ни в переносном смысле?

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Совершенно верно. Я, помню, прочитал где-то, как кто-то из древних богословов однажды сказал, что бог посылает к нам людей и говорит через них с нами. Может, даже и таких вот трактористов или скотников. Иногда кажется, что этих людей становится всё меньше и меньше. Так вот, тот богослов продолжает, не о трактористах, конечно же, но, по сути, о том же, он говорил, что когда таких людей, через которых с нами говорит бог, становится мало, то это не означает, что про нас забыли или что мы стали святыми. Дальше ничего тот богослов не говорит, но, смею думать, это скорее означает, что мы просто так стали далеки от бога, что эти люди перестали до нас доходить. Вот как сказано-то глубоко и по делу (*назидательно трясёт пальцем в воздухе*).

П р у к и н. А мы-то здесь чем связаны с этими рассуждениями? Явно, что в современной системе образования много чего изменилось, да и возможностей стало значительно больше, здесь никакой бог совершенно не нужен.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Связаны, не связаны, но уж точно к современным делам это вполне подходит, в смысле — пищу для размышлений ой какую большую даёт, что даже и размыслить страшно. И если о наших делах говорить глобально, так сказать, то вот мне кажется, всё это хождение людей может быть и без всякого бога происходит, но только что совершенно определённо, так это тотальная глухота человека к человеку, и глухота эта всё только более хронической становится. Потому и развлекаются как могут люди, чтобы оглушаться сильнее, думают, что так и прожить веселее, впечатлений насобирать разных, раз уж бога никакого нет. Урвать кусок своих возбуждений, и дело в шляпе. А каждый раз ни дела, ни шляпы не оказывается, одна смертность, тупая глухота и демографические провалы.

П р у к и н. Знаете, Андрей Парамонович, я думаю, что можно всё изменить. Надо детей начать вывозить в город на экскурсии, рассказывать им о важности образования через наглядность. У меня есть много предложений по улучшению школьного процесса.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Друг мой, процесс трогать не нужно, это лучше там, в городе, всё экспериментировать, а у нас задача простая, научить детей читать, писать, а если повезёт, то за хозяйством домашним ухаживать.

П р у к и н. Так ведь столько сейчас возможностей открывается, у них же у всех телефоны на руках, в сеть выход, можно же детей направить на саморазвитие, из них и художники, и писатели могут вырасти выдающиеся. Чтобы в телефонах своих не сидели впустую, польза чтобы от этого появилась.

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Писатели, это, конечно, хорошо, но нам трактористы нужны позарез, а все искусства пускай там, в городе, вырисовывают. Вам, друг мой, надо бы опыта жизненного прибавить, тогда и поймёте, что стране угля требуется и хлеба намного больше, чем картин живописных.

П р у к и н. Так не о картинах же речь-то (*Прокоп даже всплеснул руками от вознившегося недопонимания*). Общее культурное развитие ведь необходимо всем людям, а иначе как они общаться, развиваться будут?

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Вот вы, Прокоп Ильич, наверно, думаете сейчас, что я ничего не понимаю, что культуру нашу не поддерживаю, а ведь это же совсем не так. Я именно о культуре вам и говорю. Культурно заниматься своим делом и понимать, что это дело важное, нужное, — вот что главное в нашей работе здесь и сейчас. Если же все артистами какими-нибудь или певицами захотят быть, то кто тогда поля засеивать станет, крупу, молоко, овощи кто тогда вырастит? Это всё надо понимать в первую голову, а не экскурсии по театрам водить. Музей и театр должны только в меру человека облагораживать, до понимания своей человечности, нравственно, так сказать, поддерживать, а если у кого талант какой к искусству, так таких раз-два и обчёлся. А что сейчас происходит? Задурили головы детям разной ерундой про красивую жизнь и мелодрамы, вот и опустело село. Только прибавилось ли счастливых-то людей в городе этом, много ли семей добрых и крепких эта вся «санта-барбара» создала? (*Директор безнадежно машет рукой в сторону школьного коридора*). Разруха одна в головах от этого всего и пьянство сплошное по домам.

П р у к и н. Ну, так что же теперь, и на экскурсию в музей не свозить детей никак?

А н д р е й П а р а м о н о в и ч. Да почему же не свозить, ради бога, но чтобы это не во вред пошло, не обольщало ребятишек всякими пустыми фантазиями. Мы же не церковно-приходская школа, а государственное образовательное учреждение (*берёт со стола и закрывает какую-то папку с бумагами*). Вы сейчас, Прокоп Ильич, пока устраивайтесь, тут домик вам вполне хороший для жилья имеется, а о делах давайте завтра-послезавтра подробнее и поговорим, когда осмотритесь, так сказать, в нашем пространстве (*широко улыбается, встаёт и протягивает руку для рукопожатия*).

П р у к и н. Ну, я не совсем понимаю (*резко встаёт и жмёт директору руку, выходит из кабинета, раздражённо толкает ногой дверь школы и, бормоча, выходит в сторону виднеющихся вдаль церквных куполов*). Начинается (*вполголоса и зло*)...

Прокручивание сцены. Прукин выходит из школьной ограды, перед ним какой-то гараж с нагромождением у гаражных ворот могильных памятников из чёрного искусственного мрамора, видно, что все плиты без надписей. Это склад местного магазинчика ритуальных услуг, а плиты, видимо, лежат здесь в ожидании потенциальных клиентов. Прукин осторожно обходит груду плит и подходит к церковным воротам. Затемнение, смена декораций.

Сцена 2

То же село. Двор сельской церкви

Прокоп Прукин и священник Анемподист стоят посередине церковного двора, что-то обсуждают, к ним подбегает попадья Глафира.

Г л а ф и р а. Ой, а делов там делают, и пахнет вроде, аж страх божий, батюшка! (*Все трое направляются к входу в церковь. Попадья быстро и страстно тараторит как бы оправдываясь*). Вот видела ж, сама видела, молодая такая и вся из себя... с непокрытой-то головой не положено... да и шум какой-то там... будто бесы какие веселятся...

Заглядывают в храм — там всё тихо и спокойно. Внутри храма чинно ходят двести сельские пенсионерки, ставят свечки, а одна просто сидит на скамейке у стены, смотрит на иконостас и шевелит беззвучно губами, молится.

Г л а ф и р а (*бормочет в недоумении*). А ведь точно видела, точно...

Анемподист. Ну, ничего. Оно, может, уже и ушли они... Ничего-ничего, ушли уже, наверное...

Отходят от храма и направляются в кабинетик настоятеля.

Глафира идёт рядом и, обращаясь к Прукину, продолжает тараторить.

Глафира. Вот, говорят, нынче хуже стало, будто люди нынче совсем плохие стали, бога забыли, ценности там всякие. А вот убийцы да насильничать — раньше сколько вот было-то? В старые-то времена-то там на каждой дороге по разбойнику сидело, в каждом лесу бандит свой с ватагой своей сидел, а уж если набег какой, так тамо же и позашибают и понасильничают так, что нынче-то и не удумать такого. Вот и делов-то выходит, что нынче душегубства всякого уж не тако, как тогда-то, вот и скажешь тепере-то, будто бога-то нет, будто не ведёт промысел-то богов людьми божими к лучшему-то свету, да? *(Глафира победно смотрит на Прукина, глазами показывает вверх со значением)*. Ведёт ведь, точно уж ведёт, тут и ничё говорить не надо, видно ж всё само... *(Обращаясь к Анемподисту)*. Я пойду, батюшка... в трапезной порядок проверю...

Анемподист. Иди, иди, матушка, проверь... *(Заходят в кабинетик настоятеля. Анемподист садится за рабочий стол, Прукин присаживается на стул напротив)*. Церковь — это многогранный кристалл! *(С хитрой улыбкой указывает пальцем вверх, потом делает значительные глаза, что выглядит довольно жутко)*.

Прукин. Но если это такой кристалл, то кто тогда в него смотрит? Ну, ясно, ясно, что ответ — бог, но мне-то тогда зачем знать, что церковь — это многогранный кристалл, если мне всё равно в него нельзя посмотреть?

Анемподист. А зачем тебе смотреть, ты просто пойми, что это образ такой, для большей ясности.

Прукин *(язвительно и явно недружелюбно)*. Ага, батюшка, вы прямо поэт, вам бы книжки писать, так и прибыль, может, какая дополнительная появится, хотя за стихи сегодня особо не заплатят, но вот песни какие-нибудь точно смогли бы сочинять, православные и глубокомысленные.

Анемподист. Что ж ты так сразу и насмеяться вроде готов, а может, и действительно, такую культуру и стоит развивать. Может, в этом и есть просвещение. Ты же вот тоже пришёл о просвещении говорить, в школе нашей воскресной хочешь детям программы разные проводить, чтобы всё стабильно было в головах детских-то. Вот и надо, значит, культуру соответствующую развивать, верно ведь?

Прукин. Я бы здесь уточнил, что наша преподавательская задача — это давать то просвещение, которое изменяет человека, а изменившись, человек изменяет мир. Так мы изменим мир через просвещённое изменение человека. Всех от всего необходимо освободить, а если уж просвещать село, то первое, от чего его надо освободить, это от бескультурья и мракобесия. Культура в городе — в музее и на выставке, культура — в университете. Вот куда должны поехать школьники, чтобы, развившись в просвещённый ум, они смогли стать уже полноценными членами общества. Если школьник не благоговеет перед художественной литературой, если он не любит стихи и живопись, то разве может на него снизить что-то полезное для общества, разве сможет он вырасти и прорасти счастливой семьёй? Конечно же, нет. Культура должна стать понятна и доступна массам сельских школьников. Ну и вот ваше предложение тоже можно в это всё добавить.

Анемподист. Сын мой, а тебе не кажется, что такое навязчивое массовое окультуривание уж больно похоже на фашизм с гуманитарным лицом?

Прукин. Нет, не кажется, а даже кажется, что и этого маловато будет, порой и добровольно-принудительно следует просвещать массы.

Анемподист. Это ты так говоришь оттого, что через фильтры на мир смотришь.

Прукин. А вы, батюшка, не через фильтры смотрите?

Анемподист. Я без фильтров всё вижу.

Прукин *(тихо про себя)*. Ну да, ну да... *(Громко вслух)*. Нет, батюшка, это всё какая-то теоретическая фантазия. Учиться надо на реальном, пускай и трудном опыте. Нам и подсмотреть даже не у кого ничего такого, что можно про себя адекватно проговорить, а уж самим так и тем более ничего пока придумать подходящего не получилось. Проблемы как были одни и те же, так и остались — дураки да дороги плохие, вот и вся теория.

Анемподист *(словно ожидал такого повода рассказать свою теорию о мире)*. А смотреть просто надо шире, тогда и себя, может, понять сможем. Здесь же одним мирским великоросским просвещением не обойтись, надо исторические перспективы видеть. А что касается подсмотреть у кого, так ты посмотри, например, на немецкий исторический фантазм о себе — это же история такая страшноватая, но притягательная, что немцы в неё уже несколько веков играют. Древняя тёмная праматерь плодородия, некогда породившая эти земли, — они рвут друг друга на куски уже тысячу

лет в борьбе за её плоть. Они сильны и жестоки духом, как римские легионеры. Они красивы своей дьявольской красотой. Красота простая, логичная и опасная, немного даже наивная, как автомобиль Фольксваген люкс класса. Достоевский всё думал, что эти бесы у нас укореняются, что мы ими соблазнились. Да только мы, может, всё как раз наоборот, может быть, мы одни и смогли с ними справиться, что-то вроде антител выработать.

П р у к и н (*с сомнением*). Ну не знаю, не знаю... С Достоевским, это вы, конечно, хорошо придумали, а остальное...

А н е м п о д и с т (*продолжая, убеждая*). Или тот же фантазм американский, он совсем иного стиля вроде бы, но это только внешне, а так, всё тот же бой за плоть и кровь ближнего своего. Каннибализм древний и бесчеловечный, фанатичная вера в свою избранность по принципу логической справедливости. Немного спеси, немного стиля и много бандитского прошлого. Динамичное и нахрапистое настоящее, порабащающее Голливудом весь мировой эпос и ничего не желающее знать о других культурах. Илон Маск в образе железного человека — смешливый, с ленинской хитринкой в глазах, умный, но натурально не понимающий никакой избранности, кроме своей. Но есть во всей такой бандитской ухмылке один изъян — великая горделивость, которая и делает их страшно слабыми, податливыми на всякую дешёвизну толерантности.

П р у к и н. Ну и каков же, по вашему мнению, батюшка, наш фантазм о себе?

А н е м п о д и с т. Наш мистический путь ясен и высок — путь очищения мира, путь истинного и сильного света. Атомный взрыв очищает и загрязняет землю. Наша миссия — очищать не загрязняя. Наш путь, если так вот метафорически выражаться, это всемирный атомный взрыв наоборот. Вот это сейчас и необходимо спокойно и трезво вспомнить, и мы станем истинно сильны. Это только звучит воинственно, по слабости нашего человеческого языка, но в глубине мы понимаем, что это миссия свободного и справедливого мира. Очищение истиной и справедливостью, победа над слабой человеческой горделивостью. (*Неожиданно меняя тему разговора*). Ты знаешь, почему жгли людей на кострах в Средневековой Европе?

П р у к и н (*неуверенно, словно ожидая подвоха*). Ну... в общих чертах.

А н е м п о д и с т. Они пытались очистить общество жестоким, но, как говорил им ум, надёжным способом. Например, приходит группа странствующих монахов в селение или маленький европейский городок с десятком тысяч жителей. Монахов с уважением или не очень встречают, дают покусать, селят на ночлег и так далее. Лучше, как говорится, принять и послушать молитвенников, а то ведь, и правда, грех не принять странника, а монахи, может, чего интересного ещё расскажут. Так и живут богомольцы несколько дней, но за эти дни один из них спутывается с местной девушкой, желательной из высшего круга. Однажды это раскрывают при всех жителях на сельской или городской площади сами братья-монахи. Раскрытого в тайном грехе монаха объявляют охваченным дьяволом и прилюдно жгут на костре, живьём, на центральной площади, с привлечением местных властей. Ужасно реалистичное представление — безумный крик горящей, ещё живой плоти, жадные взгляды толпы, страх и плохо скрываемая радость, что «не меня». Цель акции дидактическая — назидание и воспитание. Брат же, монах, мученически принёс себя в жертву во имя высшей идеи очищения общества. Ведь очевидно, что это событие повлияет на жителей сильнее всего, они увидят реальные «дела дьявола» и станут благочестивее. В обществе укрепятся определённые социальные нормы. Монах «грешник» мог вполне быть добровольцем из братии, фанатиком, искренне жертвуя собой для общего, как им казалось, блага.

П р у к и н. То есть как бы по предварительному сговору?

А н е м п о д и с т. Ну, можно и так сказать, только без какого-нибудь уголовного оттенка, а чисто по содержанию слов.

П р у к и н. Принцип, в общем, понятен, ну так разве не все человеческие общества так примерно и живут, в том или ином смысле, конечно?

А н е м п о д и с т. Не скажи. Это такой евро-американский принцип, который уже просто на стиль стал похож, отработан до тонкостей. Наш же принцип сформировался исторически в иных условиях. Мы очищаемся тяжёлым, но нравственным механизмом, а общественное и социальное устройство полагаем нижеследующими по иерархии приоритетных целей после нравственного. Нравственность для нас понятие духовное и в чём-то непостижимое. Только непостижимость эта не пугает, а радует. Так может радовать человека возвращение в свой дом, например. Очень похожее по переживанию состояние, только духовно шире. После особенно длительного путешествия каждый предмет дома кажется новым и близким одновременно. Только речь, понятно же, не о доме каком-то земном, а о доме вообще. У нас есть в этой радости и платоновский мир идей, и кантовские вещи в себе, и всё остальное, только как бы одновременно и целиком. Вот потому русский мир несёт как раз свободу путешествий и радость возвращения домой, а не временные государственные законы общественного

регулирования. Такова наша правда.

П р у к и н (*иронически усмехаясь*). Правда?

А н е м п о д и с т. Да, а как же иначе, ведь русский человек, он как бы всем собой ощущает эту правду, только проговорить не всегда может. Мы каждый несём в себе этот механизм, который формирует нашу сущность, нашу миссию. Мы стремимся очищать и укреплять именно этот мировой путь совершенствования. По совести — вот наша правда и основной принцип жизни. Если кто из нас в частном порядке ушлыми махинациями промышляет, так это же не значит, что в общем плане мы такие, это только частная и грешная наша жизнь. Сам-то посмотри, ведь вся русская история — сплошное борение с дьявольскими искушениями, стремление к справедливости по совести, а не по каким-то там временным человеческим законодательствам.

П р у к и н. Громко это всё, батюшка, как-то искусственно. (*Повертев в руках сотовый телефон, неожиданно задумчиво добавляет*). Достоевский... Вот ведь как странно случилось-то...

А н е м п о д и с т. Ты о чём?

П р у к и н. Да о Христе, о его распятии вдруг вспомнил, видно, навеяло обстановкой вашей церковной. Мы же на гуманитарном специально ничего такого не изучали, да вот мать моя под конец жизни всё про евангельские события разное читала да стихи ещё... почему-то...

Пауза.

А н е м п о д и с т. И что ты вспомнил-то вдруг, про распятие-то Христово?

П р у к и н. Да тогда-то ведь, ну в самое вроде как важное время, ну у креста когда была толпа, так ведь соратники-то не были там, все разбежались ведь. А если по совести разобраться, то люди разбежались, а мы всё говорим — апостолы. У креста одни бабы и стояли. Ну, ещё Иоанн, так то же понятно, что ребёнок он тогда ещё был совсем, не умел бояться-то по-человечески, вот и стоял, не понимал умом, только по-детски, наверное, растерялся от людской злобы и остолбенел. Растерялся и стоял там среди баб плачущих...

Пауза.

А н е м п о д и с т (*задумчиво*). Да вот не думаю я, что растерялся он... скорее, нашёлся...

Пауза. Прокручивание сцены. Затемнение, смена декораций.

Сцена 3

То же село. Здание сельсовета, недалеко от сельской школы

Завхоз Сафоныч сидит на солнышке перед сельской конторой и бросает псу тряпку — обрывок брезента. Пёс бежит за тряпкой, хватая её зубами и, счастливо виляя хвостом, возвращается Сафонычу. Тот опять бросает, и сцена повторяется. Михаил Сафоныч смеётся и гладит пса по лохматой голове, чешет за ухом. Рядом на лавке сидит Прукин, наблюдает за суетой пса и покручивает в руках сотовый телефон.

С а ф о н ы ч (*сминает тряпку в руках*). Вон, смотри, как тряпошку хватает, стервец... Ловкий вроде как... Показывает ловкость свою, радуется.

П р у к и н (*неопределённо*). Угу...

Сафоныч продолжает начатый недавно разговор.

С а ф о н ы ч. Оно же как выходит-то? Это только говорят, что деревня умирает, только, как говорится, стереотип такой... Повторяют уже лет сто с лишком, а на самом-то деле весь порядок обстоит в другом. Нет никакой умирающей деревни, уже давным-давно нет. Есть модернизация, в быт жителя на земле проникшая да укрепившаяся там. Дальше этот житель будет продолжать обрабатывать землю, а все изменения если и будут, то только превратят трактор в более техногенный аппарат, и всё. Житель деревенский — это не тип жилья, а образ обрабатывания земли (*опять бросает псу «тряпошку», и пёс подхватывает её почти на лету*). Разве можно представить в ближайшей перспективе человеческую цивилизацию без аграрного сектора? (*Отряхивает лапони*). А Россия, с её просторными землями-то, — ей же аграрный сектор надёжнее любых углеводородов будущее обеспечит. Как только такая простая мысль перестанет воплощаться в реальное дело, вот только тогда-то Россия как единое государственное образование и начнёт исчезать с мировой карты.

П р у к и н. Ну не знаю, разве это здесь так важно (*отряхивает лапони, автоматически повторяя жест Сафоныча*). Я думаю, важно, что мы часто живём по горизонтали, а нравственность — это высота. Вот когда забудется такое русское мироощущение, тогда и только тогда Россия начнёт пропадать.

С а ф о н ы ч. Ага, высота, ты прямо на канале «Культура» будто выступаешь. Высота, это, конечно, хорошо, только у нас полстраны в 18 лет когда-то призвали в армию

и научили убивать людей из автомата Калашникова, а в пятьдесят их начинают учить, что матом ругаться нехорошо. Да ещё и учит какой-нибудь двадцатилетний выпускник семинарии. Спасибо за заботу, а мы ведь и не знали, что матом плохо ругаться (*страгальчески кривится*).

П р у к и н. Ну, знаете...

С а ф о н ы ч. Да что ну-то! (*Возбуждается и показывает рукой куда-то в неопределённую сторону*). А те, кто после чеченской вдруг выпали из мирной жизни, этим выпавшим, им как быть-то? Как с ними-то быть? Они же — как те, кто в школе уроки пропустили, пока другие здесь по своим делам прокручивались. Одни, которые здесь, они на здешних уроках сидели и прилежно жизни повседневной обучались, оборотистыми научались становиться да шустрыми. А этим всем навоевавшимся, им и доучиваться теперь негде, они же даже не второгодники, они вообще из другой специализации ведь! Пока одни пили, гуляли, прогуливали институты, другие — они стреляли (*делает безнадежный жест рукой*). Вот теперь, те и эти... и имеют разный, так сказать, профопыт. Им бы землю пахать после войны, а им всё про какие-то там идеи гуманизма втапливают в головы, да ещё и в телевизоре убеждают в разных передачах развлекательных, что хорошо — пить, весело гулять и землю трудную не пахать, это вроде как и есть смысл и цель. Каждый мерзавец-гуманист так и лезет из штанов, лишь бы понаучать, как жить, притом что жить сам так и не научился, а только пить, гулять и прогуливать либо рассуждать из книжного завала о правильной жизни. (*Опять показывает куда-то в неопределённую сторону*) Вон один вояка пропащии был здесь, прошёл обе чеченские, детдомовский, а вернулся, и что? Сидел у церкви, собирал на выпить, а потом замёрз в заброшенном котловане за торговым ларьком — он что, тоже жить не умел по-написанному или тупой просто был, а? Сейчас парни вернуться с этого самого, с Донбасса, и ты думаешь, что другое будет? Да так же и будут мыкаться, да ещё и пить начнут, баб колотить. А ты думаешь, это они от зла какого своего, что ли?

П р у к и н (*боромчет*). Я не знаю... Травма у них от войны, наверное...

С а ф о н ы ч (*задумчиво, словно пробует слово на вкус*). Травма, говоришь... (*Пауза*). У всех у нас одна травма... А ты про высокие материи говоришь, нам бы с низкими разобраться... (*Мимо по дороге шумно прокатывается разбитная легковушка с прицепом. В прицепе гремят обрывки металлических труб и смятые старые кастрюли. Сафонович показывает рукой на удаляющийся автомобиль*). Вот тебе и вся высота.

П р у к и н. Да (*кивает устало*)... С такой высотой мы ни до какого Марса точно не долетим, а только бесконечно собираться будем да рассуждать про полёты... Металл вот на сдачу собирать друг у друга.

С а ф о н ы ч. Так а чего измучиваться-то, не понимаю. Постройте на Марсе пункт приёмки цветмета и недалеко от него пивнуху, через сутки в их районе появится мужик в расстёгнутой куртке, без шапки и с сигареткой в зубах, и всё моментально оживёт (*захотал своей шутке*).

П р у к и н (*скривившись в саркастической усмешке*). Ну да, ну да, в шутку, может, и так, только по факту получается, что никакой такой высоты нам никогда и не получается достигнуть. Как ни стараемся, а всё макулатура и металлолом одни выходят на сдачу.

С а ф о н ы ч. Уж извини за грубость, но что ты хочешь от наваленного дерьма за сараем, чтобы оно стало золотом, что ли? Но оно при всём желании не может. При всём самом замечательном стечении обстоятельств оно только вот лежит и может только высохнуть.

П р у к и н. Ну да, грубовато как-то.

С а ф о н ы ч. Зато по делу.

П р у к и н (*спохватившись, вспомнив причину их встречи*). Михаил Сафонович, ну так как, поддержите мою инициативу по школе, раз в неделю на экскурсионную поездку уж наверняка можно транспорт выделить для школьников? Вам-то да с вашим опытом по дорожному ведомству это дело одной минуты ведь. Там надо-то один автобус небольшой.

С а ф о н ы ч. Надо подумать, с директором школы поговорить... Здесь ведь идея, конечно, выглядит вроде бы безобидно и даже для детишек вроде как хорошо, но надо её, идею, обдумать, повертеть, так сказать, на вертеле извилин.

П р у к и н (*недоуменно*). Так сами же говорите, что дело хорошее, для детишек ведь.

С а ф о н ы ч. Я говорю, что выглядит вроде бы хорошо, только так дела не решаются серьёзные, это ж дети, а тут как ещё всё разовьётся, во что это всё потом сложится у них. А вот посмотрят они всех этих музеев слишком много, и что тогда? Какой прок от этого смотрения предполагается?

П р у к и н (*удивлённо*). Да какой же прок может быть от приобщения к искусству, это же для внутреннего удовольствия, для вдохновения хорошо.

С а ф о н ы ч. Для вдохновения оно, конечно, можно, а куда это всё потом вдохновение выйдет, каким боком?

П р у к и н. Да просто человек будет знать о нашей культуре побольше, разве это не прок?

С а ф о н ы ч. Вот ты молодой, и идеи у тебя молодые, уж не обижайся. Если пёс вот радуется ловкости своей, то ловкость эта, она и радость вроде как, но и прок от неё есть самый простой — собака охраняет хозяйственное дело, ловкостью своей радуется и трудится тоже. Она за тряпошкой побегала, силы размяла, ловкость потренировала, потому и охраняет крепко. А что эти поездки, какую ловкость они укрепляют у детишек?

П р у к и н. Так не псы же они, чтобы так вот *(показывает на собаку)*.

С а ф о н ы ч. Не псы, верно... *(Вполголоса)*. Вот этот-то вопрос и надо понять *(погромче, посмотрев прямо в лицо Прукина)*, тогда, может, и транспорт определим для поездок *(хлопает Прукина по плечу)*. Ты не бойся, решим, решим, поди, вопрос твой... Как-нибудь решим...

Прукин безнадежно машет рукой, встаёт. Затемнение и смена декораций.

Сцена 4

Батюшка Андрей сидит на улице перед входом в сарай и чинит мучной короб. Рядом на земле разложены различные инструменты и немного бечёвки. Калитка в его двор открыта, сама створка калитки снята с петель и стоит прислонённой к стене сарая. Батюшка Андрей одет в тёмно-серый погрязник простого сукна. Рядом гремлет на солнышке кот батюшки Андрея, кот толстенький и рыжий.

Б а т ю ш к а А н д р е й *(беззлобно бормочет, обращаясь куда-то в глубину сарая)*. Ух, стервецы, понагрызли тут.

Мимо проходит Прукин, останавливается, решительно настроен на ком-то сорвать всю накопившуюся злость о том, что в селе никак не принимают его идеи.

П р у к и н *(сдержанно)*. Здравствуйте.

Б а т ю ш к а А н д р е й. Доброго здоровья! Ищешь кого?

П р у к и н. Да здесь разве кого найдёшь.

Б а т ю ш к а А н д р е й. Смотря чего искать. Ты не местный, видно?

П р у к и н *(важно, как бы разясняя неграмотному суть дела)*. Я в школу вашу работать приехал, из города, учитель.

Б а т ю ш к а А н д р е й *(переспрашивает, как будто развеселившись от слов Прукина)*. Учитель?

П р у к и н *(словно не замечая весёлого тона батюшки Андрея)*. Да, приехал из города, сейчас вот решаем вопрос по культурному досугу школьников. Просвещать их надо современной культурой, развивать стремление к самореализации.

Б а т ю ш к а А н д р е й. А ты, стало быть, знаешь, как это стремление развить или программу какую из города выдали?

П р у к и н *(дерзко, напрашиваясь на спор)*. Знаю!

Б а т ю ш к а А н д р е й *(уважительно кивает и улыбается)*. Что ж, это дело, наверное, нужное, работы много, ну и, наверное, согласовывать всё приходится, ведь сейчас говорят, как и раньше, всё утверждать там, наверху, требуется *(показывает глазами в неопределённый верх)*.

П р у к и н *(опираясь по-хозяйски на заборчик батюшки Андрея)*. Ну, здесь уж, как я посчитаю нужным, мне свобода предоставлена очень большая.

Б а т ю ш к а А н д р е й. Так эта свобода, наверно, ответственность большую прилагает, да? Не тяжело будет, а то, может, оно лучше с кем-то вместе дело-то делать?

П р у к и н. Пока не с кем, здесь пока не очень про новые достижения в образовании от университетской кафедры дано, вот и пытаюсь внедрять, для того и приехал. Мне направление от университетской кафедры дано.

Б а т ю ш к а А н д р е й. Что ж, попытка не пытка. Да ты вот садись, передохни, находился, поди, уж у нас *(показывает на табурет рядом с сараем)*.

Прукин заходит во двор и садится на предложенный табурет, раздвигается от спокойной речи батюшки Андрея.

П р у к и н. А вот знаете, скажу вам откровенно, я наблюдал как-то три дня за муравейником. Ни планёрок, ни совещаний, и главное — все работают. Но при всех приятностях наблюдения, ясно, что вся муравьиная работа направлена на самих себя, и даже тлей они обхаживают исключительно ради собственных нужд. Вот и вся такая с виду трудолюбивая церковность, например *(кивает в сторону батюшки Андрея)*, в основном-то к чему сводится?

Б а т ю ш к а А н д р е й *(с весёлым любопытством)*. И к чему же?

П р у к и н *(резко)*. К обхаживанию рабов ради собственных нужд. Доят паству, как

муравьи тлю, вот тебе и весь замечательный вокругдуховный рост церковной экономики.

Б а т ю ш к а А н д р е й (*удивлённо*). Так уж прямо и три дня возле муравейника сидел! Это ж что у тебя за задание такое было, по биологии, что ли?

П р у к и н (*немного смутившись*). При чём здесь биология-то... Я про вот это всё (*обводит рукой вокруг, а потом резко, словно окончательно решившись рубануть правду-матку*), да и про эту вашу церковь, кстати, тоже!

Б а т ю ш к а А н д р е й (*немного помолчав*). Ну, здесь разве церковь человеческая главная?

П р у к и н. А кто же ещё-то?! Всё одна контора (*опять указывает вокруг рукой*).

Б а т ю ш к а А н д р е й. Здесь надо понимать, есть люди, а есть Евангелие. Благодать, она и для благополучия, и для благоденствия дана, а если кому золото земное яркое, так та слабость людская давно известна. Церковь Христова и не такое на своём земном веку повидала, что ж теперь, бросать всё? Благополучие, благоденствие как раз в том и состоит, что пришёл и сделал как хорошо. Себя спасай. А на других пальцем-то можно всю жизнь пропоказывать, а себя пропустить. Сказано же, спасись сам, тогда вокруг тебя спасутся тысячи.

П р у к и н (*вскакивает, начинает пылко доказывать, жестиккулирует, садится на табурет, опять приподнимается*). Да ну какое благоденствие?! Всё, что вы хотите, это больше власти, денег и церковных домиков, да и домики вам нужны, чтобы больше денег иметь, впрочем, и власть за тем же. Какое людское благополучие? Как там сказано, по плодам судите, да? Много после ваших проповедей людей пошло и изменилось, много? А почему? Да потому, что силы нет в вашей проповеди, нет силы в ваших словах. А если нет силы, то и власти у вас быть не должно. У вас, может быть, только насилие одно всегда и сохраняется вместо настоящей власти. Насилие и мракобесие, причём вот это мракобесие и есть ваше насилие над человеком. Вы же не свободным человека хотите сделать, не от страстей освободить низких, а только понаделать унылых, кающихся в разных второстепенностях рабов. Не людей, а существ размножить, чтобы главное они не могли о себе понять, мракобесие ваше не могли увидеть за унынием внушаемым. Потому не надо мне рассказывать здесь про какое-то благоденствие, ну разве что если честно не сказать о личном, попском благоденствии, но не более того.

Б а т ю ш к а А н д р е й (*спокойно и даже примирительно*). А я вот знаю много другого, священников знаю давно, деревенских батюшек повидал. Живут они в бедности, порой и в нищете, а храмик этот свой руками строят, по досточке, по камушку собирают. А кто-то ведь на это всю жизнь тратит и не пожалуется даже, а только радость одна. И как мне тогда твоим словам верить, если знаю совсем другое?

П р у к и н. Но при чём здесь они и ваша эта вот церковь, при чём здесь их храмик деревенский и ваша организация с экономическим базисом в основе? Вся эта ваша сельско-городская суета вообще не имеет к ним никакого отношения. Вы же ещё их и кабалите, вы же ещё и с них пытаетесь денег собрать. Не дать им, а собрать с них денег в какую-то вашу общую копилку. Вы ж как общак уголовников с бездельниками и паразитами наверху, такими ворами в законе в религиозном антураже живёте. Вы ж даже принципами с этим уголовным миром схожи. Уж явно, если бы схема ваша не была так близка им, то бандиты не приняли бы её как свой «отче наш». Там же тоже вроде как вор не должен ничего иметь, только об общаке и благе арестантов думать, а по факту мы все знаем, кто, о ком и каким образом думает и живёт. Так что всё здесь не совпадение, а самое что ни на есть прямое родство. (*Прукина начинает нести, он говорит без стеснения, словно отпрыгивает каждую фразу*). Вот все поборы ваши церковные, копилка эта ваша патриарховая, она куда? Зачем она вам? Ну, ладно ваши спонсоры, но оставьте вы в покое этих деревенских батюшек, дайте им от ваших олигархических пожертвований, не заберите, а дайте! Просто дайте, и всё, пускай колбасы себе купят и детям носки новые. Так нет же, вы даже если и дадите, то отчётами замучаете. А знаете, почему? Потому, что вы не церковь, вы — один из государственных институтов внешне, а внутренне — просто корпорация монстров. Вы огромная бюрократическая машина, вот почему и нет у вас власти истинно духовной. А вся ваша власть — это власть принуждения, насилия над душой, это власть садистская, земная, и никакого отношения к богу она не имеет. И потому не надо примазываться к этим деревенским батюшкам, не надо присасываться к этим подвижникам, они не ваши, а вы не ихние. (*Начинает заговариваться*). Потому что вы вышли совсем из другого, потому вы не с ними. Потому вы не можете быть их, потому как будь вы их, вы бы с ними были, а вы не с ними, вы сами собой только.

П р у к и н садится на табурет и горделиво выпрямляется, стараясь избежать взгляда батюшки Андрея.

Б а т ю ш к а А н д р е й (*терпеливо выслушав и поняв, что основная обвинительная речь Прукина закончилась*). Что ж ты меня так легко в злодей записал, аж как-то не

разобрал дела, а сразу и обвинительный приговор зачитываешь. Не быстро ли?

П р у к и н (*словно немного придя в себя и засмутившись своим словам*). Да, это... это же я не вас лично, а то, что вы... ну... представляете, что ли, вы... как бы... Вам-то, конечно, может, и нет необходимости про такие вещи говорить, но всё-таки не обесчудьте, батюшка, а организация ваша не лучшим образом устроена.

Прокоп как-то немного воровато оглядывается по сторонам. Вокруг никого нет. Прокопу кажется, что все жители вообще сидят по домам и носа наружу не кажут, будто что-то здесь на улице ходит такое, с чем связываться себе дороже. Пауза.

Б а т ю ш к а А н д р е й. Организация, говоришь... А твоя организация хорошо устроена?

П р у к и н (*не понимая вопроса*). Моя? Какая моя организация?

Б а т ю ш к а А н д р е й. Твоя личная, ты сам-то, как думаешь, свою организацию правильно устроил?

П р у к и н (*от неожиданности говорит совершенно не по делу*). Не понимаю, о чём вы говорите, но если уж брать так, глобально, то мы все должны быть наказаны. Даже если никаких грехов за нами не числится, то всё равно мы живём с самого рождения в чувстве нашей вины. Словно сама человеческая культура, сами людские языки пропитаны этим острым и сладким ядом виновности и желания разрешиться от неё наказанием. Разрешиться наказанием и оказаться разрешённым к жизни. Честно говоря, сама цена, само наказание потому и оказывается смертью, переходом через смерть, иначе никак не выкупить истинную жизнь, всё то, к чему пронзительно тянется наше внутреннее существо, наша существенность и наша единственно существенная часть.

Пауза.

Б а т ю ш к а А н д р е й (*проверяя свою работу и отставляя отремонтированный мучной короб*). Знаешь, была одна такая на моей памяти девушка. Я тогда далеко отсюда служил, только иереем рукоположили. Так вот она, девушка эта, жила тогда при храме. Весь распорядок у неё был незамысловат и одинаков на каждый день — она вставала рано утром, молилась, плакала, немного спала, ела. Потом опять молилась, плакала, спала, ела — и так изо дня в день.

П р у к и н. И что?

Б а т ю ш к а А н д р е й. Да вот вдруг вспомнилось (*упираясь руками себе в колени и немного поговарывая вперёд*). Она тогда ещё всё срывалась иногда, а главная у неё страсть была — чрезмерное любопытство. Это когда всё везде хочет прознать человек, а после непременно донести по округе услышанное. Только после оказывалось, что всё узнанное таким любопытством было разными сплетнями да рассказами женскими. Ох уж попадала та девушка в разные нелепые ситуации каждый раз, каялась, зарекалась больше нос куда не совать, молилась, плакала. Проходило время, и она опять срывалась, опять начинала всюду ходить и сплетни разносить. Помню, однажды шёл по церковному двору приезжий иеромонах. Старенький уже дедушка, смешливый. Он по каким-то иконописным делам в наш храм приезжал и жил уже месяца три-четыре. И девушку ту уже хорошо знал, слышал её разговоры да видел слёзы постоянные. Она же каждый раз на исповеди всё те же сплетни и пересказывала. И вот, дело зимой было, идёт, значит, этот иеромонах через двор на вечернюю службу, а навстречу ему та девушка бежит, прямо торопится. Он ей и говорит: «Смотри, скользко, упадёшь и нос любопытный расквасишь, совать-то тогда что от любопытства будешь», — и дальше пошёл. «А я сегодня уже падала, так что можешь меня не пугать», — со смехом ответила девушка. «Да разве я пугаю тебя, ты что, упаси Христос, я только остерегаю тебя, чтобы аккуратнее ходила». Вот такая история была при мне. Не знаю, может, она и перестала метаться, успокоилась, ведь мне после пришлось поехать как раз сюда служить. Так вот здесь все эти годы и служу, уже четвёртый десяток лет здесь, слава Богу, тружусь. А вот сейчас что-то вспомнилась история та.

Пауза.

П р у к и н. Как-то непонятно, батюшка, но история интересная... (*Словно спохватившись*). Вы вот пока рассказывали, я даже забыл, про что ещё хотел сказать. Забыть забыл, а вашу историю, так и не понял, зачем мне слушать. Мораль мне хотите показать или что-то вроде наставления? Ну, так я и не девушка вроде, верно?

Б а т ю ш к а А н д р е й. Да ты что, Христос с тобой, конечно, ты не девушка, это я так, вдруг вспомнил, вот рассказал тебе, может, где и стодится для жизни.

Пауза. Прокручивание сцены и затемнение, смена декораций.

Сцена 5

Прукин идёт вдоль заборчика сельского кладбища. Ругается вслух.

П р у к и н. Они все ретрограды, идиоты, кретины, ничего не понимают!

Видит небольшую кладбищенскую часовенку и останавливается. Заходит в кладбищенскую ограду и глядит на надгробия. Поворачивается к часовенке.

П р у к и н *(неожиданно и дерзко)*. А что ты думаешь, мамашка-то моя, я ж её убил-то! Да, так-то *(истерично хохочет)*. Сил просто больше не было терпеть эту тварь поганую! Сил не было! *(Пауза. Прукин садится на скамеечку возле случайной могилы и продолжает говорить, в голосе упрёк)*. Ты сам свидетель, ты сам видел, она же жизни не давала никому. Это же невыносимое существо, она же биологически только меня на свет родила! Биологически! Духовно это враг, это чуждый элемент — я ненавидел её всю свою жизнь! Я хотел, чтобы она сдохла, сдохла каждый день и ещё десять раз, чтобы сдохла после каждого дня! Понимаешь?! А теперь я всем должен рассказывать, как её любил, а теперь я всем должен улыбаться и делать вид, какой я хороший *(пробует мимикой и интонацией изобразить всю нелепость последних двух лет своей жизни)*. А чего мне, в конце концов, стесняться-то! Тут же всем плевать на всё, а эти *(показывает на могилы)*, им вообще без разницы уже, они ж здесь уже вот как есть, не прикидываются... не то что все эти *(кивает в сторону села. Пауза)*. Любил будто её *(усмехается)*... А всё почему? А чтобы не попасть в тюрьму. Чтобы меня не стали преследовать. Чтобы не заподозрили во мне чего-то не такого как надо. Но всё ведь просто — ты избавляешься от твари, но для всех-то это не тварь, для всех она матушка твоя, уважаемый человек. Эта тварь для всех улыбается, а они-то близко с ней не живут, они её знать не знают. Они думают, она хорошая, а она гадина распоследняя. Ненавистная, поганая гадина, задавить которую надо. Как змею. Как ядовитую тварь. Как опасное бешеное животное! Да я же из-за неё только из-за одной счастья себе в жизни не мог никакого получить. Для меня одно только было счастье, когда у неё болело что-то, когда она дышать не могла. И в тот день... *(Пауза)*. Не-ет, конечно, топором я её не рубил, конечно, я её не задушил руками... Хоть и надо было давно это сделать. Нет, нет, нет... Я даже давал ей таблетки. Ты сам знаешь, что давал... Вначале давал... Но в тот день я пришёл, она лежит, смотрит на меня, а я смотрю на неё. И я знаю, что если не дам ей сейчас лекарство, то она, может быть, и умрёт. И никто этого не узнает. Просто скажу, что не успел. Ну, бывает же так? Бывает. Поскорблю для вида, и всё. И вот это вот внутреннее зудение, желание освободиться, вот это внутреннее стремление к свободе, оно, оказывается, всегда было во мне, всегда было готово. И тут оно впервые победило! *(Слёзы начинают катиться из глаз Прокопа, но он продолжает говорить)*. И вот именно тут-то оно и стало главным! А я просто стоял и смотрел, а она издыхала. И я ничего не делал, но становился свободен *(переходит на нервный крик, вперемешку со слёзами)*, понимаешь, я впервые... я... я наконец-то понял, что становлюсь свободен. Оказывается, для того, чтобы стать свободным, не надо было ничего делать!.. Да, всё было так просто и ясно, что я даже оторопел тогда от радости... Я просто ничего не делал!.. Вот и всё... Так я и избавился от этой твари... *(Пауза)*. Ты думаешь, я каюсь сейчас, да?.. Нет, нет, нет, я тебе в лицо говорю, чтоб ты знал!..

Стук сердца Прокопа становится невыносимо громким, он вдыхает полной грудью.

Начинает становиться слышен шум ветра, где-то стрекочет сорока. Прокоп садится, сползает со скамейки на землю, оказывается на коленях, обхватывает голову руками, и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихо начинает выть. Пауза. Прукин успокаивается, проводит ладоньями по лицу, встаёт, грозит кулаком в небо.

П р у к и н. Да пошли они все! Да пошли вы все куда подальше, сволочи!

Сцена прокручивается, появляется перрон сельского вокзала. Прукин берёт появившийся чемодан и ждёт поезда. Вокруг появляются люди, очень похожие на его бывших собеседников — вот баба в невообразимых юбках, похожая на попадю Глафиру, с ней под ручку идёт осанистый бородатый мужчина, вот два сельских крепких мужика выносят на перрон баулы, видно, что оба хорошие хозяйственники.

Подходит поезд, из вагона выходит проводница с короткой стрижкой, а у неё за спиной маячит молодой мальчик-стажёр — оба похожи на людей из придорожного кафе. Прукин подходит к вагону вместе с мужчиной средних лет (похож на Влада Сергеевича «Киргиза»), за ними пристраивается парень с длинными волосами, собранными на затылке резинкой в тонкий хвостик, у парня за спиной висит гитара в чехле (похож на одноклассника Коляна). Прукин поднимается в вагон последним, задерживается на подножке.

П р у к и н *(повернувшись в сторону перрона, говорит весело)*. Да пошли вы все! *(Кричит в глубину вагона)*. А женюсь-ка я на какой-нибудь милой профессорской дочке, а?

Прукин исчезает в вагоне. Поезд начинает двигаться. Вокруг проплывают русские пейзажи — леса, реки, поля, горы.

Занавес